

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ

ИЛИ

ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМѢ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1823.

§ XLI. *)

Описаніе 1784 и 1785 года.

Вотъ еще исторія, а кто не вѣритъ, пусть выправится въ архивахъ губернскаго города Могилева, — исключая такихъ въ ней мѣстъ, которыя въ приказныхъ бумагахъ невѣстны, а потому и въ архивахъ ихъ нѣтъ.

Выше сказано въ одной ремаркѣ, что подрядившійся выстроить церковь святаго Юсифа, онъ же и откупщикъ питейныхъ въ Могилевѣ сборовъ, с.-петербургской купецъ Петръ Чирьевъ разладилъ съ покровителемъ своимъ, генераль-губернаторомъ Пассекомъ; а теперь течетъ тотъ годъ, въ которой дѣйствіе сіе начинается.

Народъ въ городѣ, во время свободной продажи напитковъ, привыкши къ нимъ, возропталъ на Чирьева, что у него нѣтъ хорошихъ ни водокъ, ни пива, ни меду. Пассекъ сначала защищалъ зло. Мнѣ случилось слышать и видѣть, какъ старой софтиникъ г. Квасниковскій, за столомъ у Пассека въ разговоръ сказалъ спроста: «Бывало, у насъ въ Могилевѣ водятся хопія пива, а нынѣ, по милости г. Чирьева, мы его не имѣемъ». Пассекъ приказалъ дворецкому тотчасъ взять изъ кабака бутылку пива и подать на столъ. Бутылка подана. Пассекъ, на-

*) Смотр. «Русскую Старину», т. III, изд. 1871 г., стр. 119, 247, 395, 562, 49. Т. IV, стр. 1 и 97.

ливъ стаканъ и подавая совѣтнику: «Отвѣдай-ка — сказалъ — каково пиво-то, Иванъ Андреевичъ?»

— «Очень хорошо, отвѣчалъ старикъ, да къ намъ этакое не доходить, это видно изъ первыхъ ружь».

— «Не ужь-ли ты думаешь, что это изъ моего ледника? сказалъ Пассекъ. Откуда это пиво?» спросилъ онъ у дворецкаго.

— Изъ кабака, отвѣчалъ дворецкой.

Каждой, видя сильную защиту, каждой видя, что казенной палаты совѣтникъ Пестовъ, осмѣлившійся прочесть въ судейской каморѣ газеты, — въ которыхъ опубликовано было, что Чирьевъ неисправной подрядчикъ въ Петербургѣ въ постройкѣ какого-то моста — лишился совѣтническаго мѣста; а секретарь казенной палаты Цѣбликовскій, переносившій Чирьеву вѣсти, пожалованъ коллежскимъ ассессоромъ. Каждой видя сии и симъ подобныя явленія, не осмѣливался не воздавать отличнаго почтенія Петру Никифоровичу Чирьеву.

Но когда Чирьевъ, по извѣстнымъ никому больше какъ ему причинамъ, началъ вездѣ отгрызать противъ Пассека свое неудовольствіе, и грозить явно жалобами на него, и на проживающую — по его словамъ — праздно въ Могилевѣ, маюршу Салтыкову *), то правительство губернское, вступя во свои права, взялось возстановить порядокъ; оно осмѣлилось принуждать откупщика, по силѣ контракта, ко взносу въ казенную палату недоимокъ, которыхъ накопилось до 20,000 рублей. Но Чирьевъ, вѣсто исполненія требованій по контракту, потребовалъ долговъ своихъ отъ генераль-губернатора и другихъ. За требованіе, произведенное не въ пору, приставили къ нему безъ требованія двухъ солдатъ. Чирьевъ не лишень свободы, но солдаты вездѣ за нимъ слѣдовали по пятамъ, а недоимка оставалась недоимкою. Разсудили судить его за ложное показаніе уплаты партикулярныхъ на немъ долговъ; а винной откупъ, отобравъ отъ него, отдали поручителю, надворному совѣтнику Шипневскому **); достройку

*) Чирьевъ былъ злоязыченъ, невѣренъ, дерзокъ, но на словахъ не дуракъ и рѣзокъ, безхарактеренъ и плутъ; слѣдственно рожденъ на несчастіе. Г. Д.

***) Шипневскій былъ въ Тольчинской пограничной таможенѣ директоромъ. Нажилъ великое имѣніе, и былъ за противозаконный пропускъ товаровъ или за кражу пошлинъ, похъ судомъ въ уголовной палатѣ. По сей причинѣ, не трудно было Пассеку уговорить его къ поручительству по Чирьевѣ, а потомъ и къ принятію на себя всего откупа. Шипневскій долженъ былъ повиноваться въ той надеждѣ, что дѣло его въ палатѣ рѣшится въ его пользу. Г. Д.

же церкви—поручителю, коллежскому совѣтнику Маковецкому, по контракту *).

Чирьевъ не проронилъ времени. Онъ послалъ жалобу въ сенатъ. Сенатъ указомъ потребовалъ объясненія. Пошла потѣха! Стой бѣда, не лежи!

Забавно было читать приложенныя при сенатскомъ указѣ регистры, письма, записки, карточки,—начиная съ генераль-губернатора до послѣдняго должника **),—которые велѣно возвратить при объясненіи въ сенатъ.

Напримѣръ: генераль-губернаторъ препоручаетъ Чирьеву выписать изъ Петербурга, именно какихъ вещей для новостроющейся его мызы Пипинберга, для Марьи Сергѣевны Салтыковой, и проч.***). Губернаторъ Енгельгардтъ—для Аннушки своей. Другіе чиновники, наприм. для себя и для женъ: суконъ, шюлювыхъ матерій, пудры, помады, тросточекъ, какія во употребленіи въ Петербургѣ, у первыхъ щоголей и щеголихъ; иныя: кофюхи, ряпухи, нармазановъ, лимбургскихъ, жупановъ, сквозныхъ, ханскихъ, черныхъ, зеленыхъ, и проч.

Поручителю церковному Маковецкому — карету, директору экономіи, — карету, вице-губернатору — карету.

Городничій Воропановъ въ запискѣ къ Чирьеву, пишетъ: «Не брани, братъ, своихъ людей, за то, что я взялъ изъ твоихъ сѣней обновить твои петербургскія сани, послѣ сочтемся. А водвато, которую ты заарестовалъ, уѣхала за городъ****)».

Ассессоръ казенной палаты Колбасовъ, прося Чирьева о доставленіи ему изъ Петербурга надобныхъ для него вещей, заключаетъ записку свою сими словами: «А я твою жену въ *****)»

*) Предсѣдатель верхняго земскаго суда 2-го департамента, по выбору, и помѣщикъ, которой положилъ въ залогъ за Чирьева недвижимое свое имѣніе, въ выписанную ему Чирьевымъ изъ Петербурга карету. Г. Д.

***) Помѣщенное между чертами въ подлинникѣ зачеркнута. Ред.

****) «И проч.» вмѣсто зачерк.: «для его панушки и для конюшни». Ред.

*****) Водка провозима была на ту пору на нѣсколькихъ подводкахъ чрезъ городъ. Она принадлежала какому-то помѣщику или жиду. Чирьевъ, по праву откупщика, далъ знать городничему, дабы онъ изслѣдовалъ: не корчемная-ли она? Городничій остановилъ ее, и потомъ выпустилъ безъ изслѣдованія. Чирьевъ, въ просьбѣ своей сенату, изьясняя, что она была корчемная, доказывалъ: что его въ Могилевѣ всякой разоралъ. Г. Д.

*****) Въ манускриптѣ послѣднія литеры такъ затерлись, что никакъ прочитать было нельзя, какъ будто для того, что каждому безъ труда догадаться можно по первоначальной литерѣ.....

поцѣлую». Сенать въ своемъ указѣ сказала: чтобъ въ требуемомъ, по просьбѣ Чирьева, изъясненіи показано было: «изъ какихъ чиновъ или состоянія ассессоръ Колбасовъ?»

Вопросъ, котораго безъ отвѣта оставить было нельзя, а балагуры догадывались, что сенать подозрѣвалъ, не отъ собакъ ли происходитъ Колбасовъ *).

Все сіе дѣлало людямъ, не замѣшаннымъ въ эту неуксусную кашу, смѣхъ; а отвѣтчицамъ говорила пословица: «хоть волею вой». Но ничто такъ не огорчило генераль-губернатора, какъ изреченіе Чирьева въ поданной въ сенать просьбѣ: «проживающая въ Могилевѣ праздно, маіорша Салтыкова». Досада, мщеніе, любовь, оскорбленіе, важность сана, все это совокупясь, слило противъ Чирьева такую пулю, отъ которой бы ему не воскреснуть, еслибы она въ него попала. Но, въ человѣческихъ дѣлопроизводствахъ, НО производитъ великія чудеса, которыхъ описаніе слѣдуетъ ниже:

Пока что сдѣлается въ сенатѣ по посланному объясненію, Чирьева содержать въ Могилевѣ въ тюрьмѣ за долги. Судять за ложныя показанія о уплатѣ долговъ и проч. и присуждаютъ подъ вазнь внутомъ. Уже домъ его окруженъ многочисленнымъ карауломъ; время назначало ему черезъ два или три дни площадь и палача. Губернскій стряпчій Герасимовъ, который и служилъ и жилъ у Пассева и Салтыковой, принялъ на себя изъ усердія обязанность начальствовать надъ карауломъ, окружавшимъ домъ Чирьева. Никто столько не былъ увѣренъ въ его неусмысленности, какъ онъ самъ и благодѣтель его Пассевъ. Но увы! въ послѣдній вечеръ передъ страшнымъ для Чирьева утромъ, нужно было Герасимову потанцевать на вечеринкѣ у Салтыковой. Ночь была лѣтняя, самая коротенькая, и окончаніе вечера почти примыкалося къ началу утра. Возсіявшу солнцу, онъ приспѣшилъ *) на мѣсто вѣрной и многочисленной стражи; нашелъ ея въ надлежащемъ порядкѣ. Съ Герасимовымъ былъ городничій Алексѣй Кралевскій, которой, въ преданности и усердіи къ особѣ и въ дому Пассева, не уступалъ Герасимову, потому что, въ малолѣтствѣ и юношествѣ, былъ при сестрѣ Пассева

*) Весь эпизодъ о Колбасовѣ, съ сноской къ нему, въ подлинникѣ зачеркнуть.

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутого «явился».

Ред.

слугою, подъ природнымъ прозваніемъ: Лобурѣнъ. Онъ учился, и былъ великой мастеръ кожевенныхъ дѣлъ, на манеръ англійскій, почему и сдѣланы были, подъ особеннымъ его присмотромъ, новые кнуты. Надлежало узника взять и вести въ судебное мѣсто къ выслушанію приговора, а потомъ на мѣсто казни *). Они входятъ въ первую комнату, находятъ жену въ слезахъ, а двухъ малолѣтнихъ дѣтей еще спящихъ; входятъ въ другую и третью, изъ которыхъ выхода нигуда нѣтъ, но Чирьева не находятъ. Они остолбенѣли. Опомнившись, приступили къ женѣ. Она отвѣчала: «Я жена несчастнаго мужа, а не караульница». Многочисленная стража отвѣчала, что колодникъ нигуда не выходилъ; но проломанная подлѣ трубы въ потолокъ твердь, куда они почти нечаянно взглянули, разрѣшила все ихъ сомнѣніе; а побѣгъ караульнаго солдата, находившагося при немъ въ одной горницѣ, открылъ ясно, что Чирьевъ ушелъ не безъ товарища.

Пассекъ, получа отъ нихъ неожиданной рапортъ, не собралъ силъ подняться съ дивана, на которомъ тогда лежалъ. Салтыкова, прибѣжавъ туда же, объявила въ полномъ безпамятствѣ, что она опредѣлила непременно, у Герасимова и Кралеваго отгрысть великодушно собственными зубами носы и уши.

Пассекъ измученной какъ внутреннею гангреною, имѣлъ еще твердость духа и разсудка, отвлечь ее своимъ совѣтомъ отъ исполненія ея намѣреній. «Неблагопристойно, сударыня, говорить онъ, женщинѣ кушать носы и уши мужчинъ. Студень такого рода не принадлежитъ ко вкусу благородныхъ. Посудите, что оба виноватые оба же наши и друзья, и что грѣхъ да бѣда на кого не живетъ?» Хотя изъ такой нравоучительной рѣчи не послѣдовалъ плодъ поимки Чирьева, однако-жъ краснорѣчіе, начавши отъ греховъ до римлянъ и англійскихъ парламентовъ, утешало почти не меньшіе бури и вихри. Городничій и губернской стражій остались по прежнему съ носами и ушами. Не было ничего благоразуміе какъ то, что внѣшная стража не истязывала.

Вскорѣ полученъ отъ сената указъ, чтобы по всѣмъ Чирьева.

*) Въ канцеляріяхъ обыкновенно пишутъ: «наказать кнутомъ». Но наказаніе есть слово славянское, и значить: наученіе. Сенатъ—въ одномъ только указѣ—сказалъ: что, «публичное тѣлесное наказаніе, не есть уже наказаніе, но сущая казнь».

дѣламъ, какого бы они рода ни были, не дѣлать исполненія, но присылать ихъ въ сенатъ на благоразсмотрѣніе, а запущенную до 20-ти тысячъ рублей по винному откупу недониму взыскать съ членовъ казенной палаты. Послѣ чего, вскорѣ явился и Чирьевъ изъ Петербурга въ Могилевъ, съ вѣрою и надеждою, что его кнута съчъ не будутъ. Онъ, въ дополненіе своей исторіи, рассказывалъ всякому, кто хотѣлъ его слушать, почти слѣдующимъ образомъ:

«Многочисленный — говорилъ онъ — караулъ при моемъ домѣ и свобода жены моей открыли мнѣ, чему завтра надлежало со мною послѣдовать. Никто не можетъ вообразить, какое непреодолимое отвращеніе чувствовалъ я отъ кнута и палача. Не было еще въ свѣтѣ ни оратора, ни физика, которые могли бы мнѣ доказать и увѣрить, что это зло очень полезно, въ порядкѣ вещей естественныхъ. Я скорѣе согласился бы на то, чтобъ они свои доказательства оправдали сами на себѣ практически *). Воображеніе о балахъ и маскарадахъ, на которыхъ я танцовывалъ у генераль-губернатора, не похожее ни мало на кнутъ и на палача, подадо мнѣ счастливую мысль, проломать дыру въ потолокъ подлѣ трубы, гдѣ небольшія штуки достоекъ имѣли главнымъ укрѣпленіемъ только насыпку земли. Мнѣ были помощію руки солдата, приставленнаго ко мнѣ въ комнату для стражи. Данные ему сто рублей ассигнаціями и обѣщаніе взять съ собою обратили его въ мою пользу. Жена нарядила меня въ сѣрой извошичей кафтанъ и пестрединную рубашку съ косымъ воротничкомъ и съ пуговицею съ нашего вучера, безъ маски. Я взялъ съ собою, сколько могъ, денегъ ассигнаціями, поцѣловалъ спящихъ моихъ дѣтей. Сіе послѣднее дѣйствіе чуть-было не лишило меня побѣга. Я оцѣпенѣлъ, и ноги мои мнѣ измѣнили; но воображеніе кнута пробудило мой разумъ и возвратило силы. Я полѣзъ въ дыру, а оттуда, съвозъ крышу, въ подобную, которая, какъ будто къ моему спасенію, случаемъ была предъготована; изъ нея на заборъ и съ забора на землю; тѣлохранитель мой вышелъ, по обыкновенію, дверьми и, сошедшій со мною, тотчасъ меня увѣдомилъ, что все спойно спить. Мы

*) Можетъ-быть Чирьевъ и не говорилъ такъ точно, какъ я пишу. Но возможно ли вѣроному историографу припомнить отъ слова до слова все то, что это говорить?

прошли благополучно, позирая на спящихъ на дворѣ и на за-
валникахъ, въ такую предъзорную пору, когда бываетъ самой
пріятной сонъ. Выбравшись изъ города, шли мы, то по днямъ,
то по ночамъ, смотря по обстоятельствамъ проходимыхъ мѣстъ.
На пути разсудилъ я переодѣть и солдата; и такимъ образомъ
достигли Петербурга, не бывъ никѣмъ преслѣдованы, или оста-
новлены.

Явясъ въ сенатъ съ прошеніемъ и вида что дѣло пошло по
моему, началъ я партикулярно просить и о солдатѣ, говоря: что
безъ его помощи Чирьеву не видать бы никогда Петербурга.
Солдату велѣно остаться при сенатской ротѣ, а могилевскому гу-
бернскому правленію въ указѣ сказано: «что, если онъ точно бѣг-
лой изъ могилевской штатной роты, то прислать въ сенатъ по-
служной его списокъ и надлежащій аттестатъ».

Такимъ образомъ, Чирьевъ, хотя избѣжалъ крайней бѣды,
однако-жъ лишился откупа виннаго и окончанія церкви. Здѣ-
лакъ отвѣтчивомъ въ магистратѣ по долгамъ и посаженъ въ
смирительной домъ, гдѣ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ съ раду безъ
выпуска, до того времени, какъ Павелъ I, вступя на престолъ,
отставилъ Пассека отъ службы, а Чирьевъ, хотя выпущенъ, но
будучи безъ подряда, безъ откупа, безъ торговли, безъ кредита,
безъ ремесла, даже безъ семейства, которое его оставило и уѣхало
въ Петербургъ, влачилъ горестную жизнь, и умеръ чрезъ нѣ-
сколько лѣтъ, въ крайней бѣдности.

Я читалъ славнаго Корнелія Тацита. Онъ также писалъ вся-
кую всячину, какъ и я, разница только та, что онъ писалъ сти-
лемъ латинскимъ, а я перомъ російскимъ. Онъ описывалъ дѣя-
нія происходившія въ славномъ Римѣ, а я, находясь въ Бѣло-
руссіи, присовокупляю къ собственной исторіи встрѣтившіяся
произшествія въ моемъ мѣстопребываніи, и, ежели можно сдѣ-
лать нѣкоторое сравненіе? то мой П. Б. Пассекъ и Марья Сер-
гѣевна ничѣмъ не меньше значили въ Могилевѣ, какъ таци-
товъ Германикъ и Агриппина въ Римѣ.

Въ сіе время благодѣтельный мой другъ Д. Р. Чугаевичъ
предложилъ мнѣ свое дружеское мнѣніе: «Я — говорилъ онъ —
при случаѣ открывшагося теперь въ уголовной палатѣ ассессор-
скаго мѣста, хочу туда перемѣститься. Ты видишь, продолжалъ
онъ, что для меня тутъ пользы нѣтъ, потому, что жалованье и

классъ ассессора равны настоящему моему мѣсту; но мнѣ на сей разъ не обидно быть ассессоромъ, потому, что я ничего не теряю; а впередъ, съ мѣста ассессорскаго, надѣюсь быть ближе къ совѣтническому, нежели съ стряпческаго; а всего болѣе пріятно для меня будетъ, если мое теперешнее мѣсто достанется тебѣ, которое жалованьемъ и классомъ выше твоего настоящего. Станемъ стараться, ну работать».

Мы разсудили прибѣгнуть къ помочи поручителя по Чирьевѣ, надворнаго совѣтника Шипневскаго, который и откупъ уже на себя снялъ, а посему и въ большемъ сталъ уваженіи и довѣріи у генераль-губернатора. Онъ охотно взялся попросить объ насъ генераль-губернатора, и напередъ насъ увѣрилъ о несомнительномъ успѣхѣ. Мы сообщили о семъ и Луцевину, какъ секретарю генераль-губернатора и какъ нашему пріятелю, дабы и онъ, при докладѣ, былъ съ нашей стороны.

Вскорѣ мы оба съ Чугаевичемъ потребованы къ генераль-губернатору, и не сомнѣвались, что намъ хотятъ объявить желанную милость. Мы не простояли предъ кабинетомъ и часа, какъ вышелъ отъ Пассева Шипневскій и, поднявъ руки къверху, сказалъ намъ дружескимъ тономъ: «Луцевинъ ассессоромъ будетъ. Не пеняйте, я не виноватъ. Самъ генераль-губернаторъ такъ захотѣлъ». Намъ очень было жаль, что мы не имѣли за что благодарить, и, сказавши: что, «для генераль-губернаторскаго секретаря ассессорское мѣсто не награда» вышли съ полученіемъ исполненія такой надежды, какова она всегда бываетъ для людей предающихся ей слѣпо, слабыхъ душою и тѣломъ, памятью и разсудкомъ.

Мы во весь путь другъ-друга вопрошали: что это значить? Время уже разрѣшило нашъ вопросъ вотъ какъ: Шипневскій — какъ я выше сказалъ — былъ подъ судомъ въ уголовной палатѣ, по дѣлу таможенному; а Луцевинъ не любилъ своей должности. Онъ, безъ сомнѣнія, не достигалъ, что власть и начальство вельможъ связано съ величайшими выгодами для подчиненнаго, умѣющаго терпѣть, переносить, повиноваться, исполнять.

Луцевинъ, по увѣренію Шипневскимъ, мечталъ, что онъ, и будучи въ палатѣ ассессоромъ, будетъ имѣть, при интересныхъ бумагахъ, вліяніе на канцелярію генераль-губернатора; а Шипневскій былъ взаимно обезпеченъ цѣлымъ въ пользу его голо-

сомъ, по дѣлу въ уголовной палатѣ. Итакъ, двѣ наши подпоры, при взаимныхъ надобностяхъ, заключили союзъ быть другъ-другу полезными, на счетъ нашей стойки передъ кабинетомъ у генераль-губернатора. Но бездѣльные дьяволъ часто мѣшается въ дѣла человѣческія и ихъ разрушаетъ. Надобно дослушать конца.

Луцевинъ сталъ ассессоромъ, двѣ комнаты въ моемъ домѣ для него квартирою, пока некончанной еще имъ домъ его поспѣеть. Мы зажили опять виѣстѣ. Шипневскій, богатой, въ долгахъ, жаждущій прибрѣтать, случайный, подсудимый, уважаемый, не рѣдко насъ посѣщалъ пріятельски, не сомнѣваясь самъ о себѣ, что пріязнь его приемлется за благосклонность, несмотря на то, что онъ меня и Чугаевича обманулъ, а отъ Луцевина ожидалъ. Въ человѣку такихъ качествъ не въ силахъ я былъ имѣть истинной привязанности; но порядокъ гражданскаго обращенія требовалъ, чтобъ я не давалъ ему этого замѣтить. Любитель суетъ, затѣвъ, онъ здѣлался тайнымъ доносчикомъ. Вслѣдствіе чего генераль-губернаторъ призываетъ Луцевина, и спрашиваетъ его воедино:

«Правда-ли, что ты, будучи у меня секретаремъ, взялъ тысячу рублей съ купца Королевича, котораго я формальнымъ порядкомъ вывелъ въ дворянство?»

— «Правда» — отвѣчалъ Луцевинъ.

«Хорошо, что ты мнѣ признался откровенно, а то бы Шипневскій и Королевичъ тебя изобличили, и тогда я не въ силахъ былъ бы тебя защитить противъ силы закона. Гдѣ же ты дѣвалъ деньги? Промоталъ, я чаю?»

— «За перстень и табакерку заплатилъ 400 руб. будучи въ Петербургѣ съ вашимъ выс. превосход., а 600 р. употребилъ въ число постройки дома».

«Ну — добро — хотя ты и трудился надъ дѣломъ о выводѣ купца въ дворянство, однако-жъ отъ меня зависѣло поручить этотъ трудъ и другому. Итакъ, справедливость требуетъ, чтобъ ты подѣлился съ моею канцеляріею. Дай ей 400 р.»

Луцевинъ, въ самомъ дѣлѣ не имѣя денегъ, удовлетворилъ канцелярію перстнемъ и табакеркою.

Вскорѣ за симъ дѣло Шипневскаго о пропускѣ имъ безпошлинно чрезъ таможенную товаровъ, рѣшено въ уголовной палатѣ въ пользу его большинствомъ голосовъ; а Луцевинъ далъ свое

противное мнѣніе. Чѣмъ пристрастіе были всѣ судьи, тѣмъ основательнѣе былъ голосъ одного Луцевина.

Пассекъ, призвавъ къ себѣ Луцевина, напалъ на него, при всей бывшей у него публикѣ, такъ неосторожно за разногласіе въ дѣлѣ Шипневскаго, что многіе стали подозрѣвать о участіи его въ безошлннномъ пропускѣ товаровъ. Онъ кончилъ свой гнѣвъ тѣмъ, что далъ честное слово, при всемъ бывшемъ тогда у него въ залѣ собраніи, выгнать Луцевина изъ службы. — И такъ, Шипневскій выпросилъ Луцевина въ ассессоры, на свою бѣду; а Луцевинъ вышелъ изъ секретарей въ своему огорченію и тревогѣ. (Вотъ что дѣлаетъ НО!) *, съ обидою Чугаевича и меня

На другой день предсѣдатель палаты Енгельгардтъ, братъ губернатора, увѣрялъ Луцевина, что «генераль-губернатору пріятно будетъ, если Луцевинъ приметъ обратно свой голосъ». Луцевинъ отвѣчалъ: «не будетъ пользы, ни для генераль-губернатора, ни для Шипневскаго, ни для меня, ни для палаты, потому что вся уже публика узнала отъ самого генераль-губернатора о моемъ, противъ палатскаго опредѣленія, несогласіи. Притомъ сундузъ, препровожденной съ таможенными приобрѣтеніями въ М. С....»

Нельзя кратко сказать, какое изъ сего отвѣта и изъ предобнаруженнаго генераль-губернаторскаго гнѣва возникло повсемѣстно празднословіе. Каждой наперерывъ старался умножать, раздѣлять, раздроблять, соединять, извлекать, какъ будто они за это получали жалованье и присягали на вѣрность. А между тѣмъ, понеже въ мірѣ, большею частію, пріятели пріятелей несутъ общую участь, то по сему закону и я съ помощью Шипневскаго, — особливо по поводу совмѣстнаго въ одномъ домѣ съ Луцевиннымъ обитанія — подоспѣлъ подъ подозрѣніе и подъ худое мнѣніе у генераль-губернатора, которое и продолжалось до 1787 года, и кончилось такъ, какъ скажется на своемъ мѣстѣ; а теперь надлежитъ приняться за обстоятельство, которое лежитъ на отчотѣ моей памяти и моей чувствительности.

Шипневскій, предложа выстроить для себя въ Могилевѣ домъ, купилъ подлѣ моего обширную огородную землю съ садами. Земля моя, подъ моимъ домомъ и садомъ, не допускала его здѣ-

*) Восклищаніе это въ подлинникѣ зачеркнуто.

заять изъ своей покушки правильной квадратъ. Онъ объявилъ желаніе купить мое жилище, однакожь всегда удерживался объявить цѣну, а только единожды промолвилъ, какъ говорится, съвозъ зубы, что онъ возвратитъ мнѣ издержанное количество съ процентами. Сила его у генераль-губернатора была для меня опасна; а привычка, приобретать все способомъ таможеннымъ, на лицѣ его была написана. Самъ гласъ природы внушалъ мнѣ, что нѣтъ ничего хуже, какъ попасться между благосклоннымъ приказаніемъ и непобѣдиמוу алчностью.

Кстати случилось, что маіоръ Веревенъ *) подоспѣлъ ко мнѣ съ выигранными деньгами, почти нечаянно, и сыпнулъ въ одну минуту почти тройную цѣну. — Дѣло сдѣлано. Шипневскій обидѣлся. Но онъ торжествовалъ; ибо, когда я предпринялъ сдѣлать другой, подобной первому, домикъ и уже на сей конецъ купилъ землю, срубы, лѣсъ, заготовилъ столярную работу, стекла, двери, замки, печи и проч... и взялъ билетъ и планъ за подписаніемъ городничего и архитектора на постройку, и когда оставалось только приготовленное сложить мастерамъ, то Шипневскій выпросилъ у Пассека повелѣніе, по второму билетъ и планъ у меня отобраны, и строиться запрещено. А Шипневскій, съ дозволенія губернатора Енгельгардта, забралъ мои срубы, говоря: что онъ ихъ, прежде еще меня, приторговалъ на Двѣрѣ для себя. Вслѣдствіе чего матеріалы или вещи, приготовленные, принужденъ я былъ продать за безцѣнокъ, не полагая въ сіе число огорченія, неразлучнаго съ чувствительностью **). Итакъ, сдѣ-

*) Маіоръ Веревенъ, Степанъ Ивановичъ, котораго братъ, директоръ экономіи, вызвалъ изъ воинской службы съ надеждоу доставленія ему выгоднаго мѣста въ штатской службѣ чрезъ дядю своего, генераль-губернатора П. В. Пассека.—Пассекъ, въ самомъ дѣлѣ, сперва принималъ его хорошо, и общалъ «все что можетъ сдѣлать». Но потомъ увидя, что онъ, кромѣ карточной игры, ничего не знаетъ и знать не хочетъ, а требуетъ много, принималъ его въ мотіе и тѣмъ кончилъ «все что могъ сдѣлать.» Г. Д.

***) Шипневскій никогда уже не имѣлъ счастья; откупъ навелъ ему много суеты, а пользы никакой. Съ Пассекомъ онъ разладилъ, а особливо вотъ за что: Шипневскій имѣлъ въ закладѣ отъ князя Огинскаго за 18 тысячъ руб. мѣстечко Минувинъ и въ нему 1,200 мужеск. пол. душъ. Срокъ закладной прошесть; но адвокаты считали по закону срокъ часами и минутами, до захожденія или по захожденіи солнца. Пассекъ, властію своею, велѣлъ солнцу зайти поскорѣе и Шипневскому овладѣть закладомъ; а потомъ предложилъ, чтобы Шипневскій уступилъ ему, для Панушки, все завладѣнное за сходную цѣну, почти такъ, какъ Шипневскій хотѣлъ уступить моего дома. Шипневскій давалъ

лавшись бобылемъ, безъ дома, не безъ денегъ за домъ, съ убыткомъ, съ огорченіемъ, нанялъ я квартиру; а Луцевинъ, которой давно уже перешелъ въ свой нововыстроенной домъ, не предвидя ничего для себя полезнаго, подалъ просьбу объ отставкѣ.

Въ началѣ 1785 г. случай позволилъ быть мнѣ въ первой разъ въ Москвѣ. Еще прошедшаго лѣта, главнокомандующій Москвою, бывший нашъ бѣлорусскій государевъ намѣстникъ, графъ Чернышевъ, скончался. Вдова графиня, и посредствомъ теченія времени, не уменьшила горести.

Простой московской народъ, но не съ простымъ патриотизмомъ, говорилъ купеческимъ простымъ тономъ: «хоть бы онъ, нашъ батюшка, два годочка еще пожилъ; мы бы Москву-та всю такову-та увидѣли, какъ онъ отстроилъ наши торговыя лавки и другія публичныя зданія».

Проживши тамъ недѣли съ три на чужомъ столѣ и въ беззаплатной квартирѣ, возвратился въ Могилевъ, довольствуясь иногда воспоминаніемъ видѣнныхъ тамъ предметовъ, которыхъ смѣшенія нельзя было не видѣть, то-есть: обилія и бѣдности, мотовства и скупости; огромнѣйшихъ каменныхъ домовъ и вбившихся въ землю по окны бѣдныхъ деревянныхъ хижинъ; священныхъ храмовъ и при нихъ торговли и кабаковъ; воспитанія и разврата, просвѣщенія и невѣжества; получившихъ богатое наслѣдство видѣлъ бѣдными, гордыми и подлыми. Тамъ подпора отечества занимается съ вечера до утра важными пустяками, названными игрою, и за игру вызываетъ на поединокъ, а отъ восхожденія до захожденія солнца спать.

Говорятъ, что есть въ Москвѣ дома препорядочные, якобы составленные изъ чести, добродѣтели и просвѣщенія. Очень вѣроятно. Сіе самое бывало и въ сѣдой древности, когда самъ Богъ съ однимъ праотцемъ искали въ великомъ градѣ Ниневіи десяти праведниковъ.

Лѣтомъ сего года, по имянному императорскому повелѣнію, изъ числа командированныхъ по всѣмъ россійскимъ губерніямъ 200 душъ безъ денегъ, но Пассекъ, оскорбился, что помогалъ человѣку, которой не хочетъ отдать всего—не принялъ ничего. Шипневскій, разстроенный, задолжавшійся, огорченный, принужденъ былъ недостроенный еще домъ свой продать городской думѣ. А деревни продавать по частямъ, кромѣ самаго Микулна. Выѣхалъ въ Петербургъ, и тамъ скончался. Послѣдняя надежда къ счастью, кто ищетъ его въ столицахъ, потерявши молодость! Г. Д.

сенаторовъ, прибыли и къ намъ двое въ Могилевъ: графъ Александръ Ром. Воронцовъ и Алексѣй Вас. Нарышкинъ, для обозрѣнія, все ли исполняется по законамъ, или все по беззаконіямъ, или же по тому и по другому, и проч...

Они обозрѣли главныя присутственныя мѣста; отобѣдали нѣсколько обѣдовъ у генераль-губернатора, у архіепископовъ грекороссійскаго и римско-католицкаго, и у другихъ. Иные думали спроста, что имъ больше и дѣла нѣтъ; однако-жъ, всякой терпящій приносилъ имъ свою жалобу безпрепятственно. Ихъ важность, и императорская въ нимъ довѣренность сильны были или удовлетворяютъ, или ласкать его надеждою, что онъ получитъ въ Петербурга, какъ съ неба, полную благодать. А между тѣмъ, губернское начальство и чиновники живѣе почувствовали, что «есть еще и надъ ними надзоръ, которой можетъ и впредь повторяться».

Сенаторы дали записку, чтобы имѣніе, принадлежащее въ Бѣлоруссіи монастырямъ и церквамъ всѣхъ религій, защищаемо было казенныхъ дѣлъ стряпчими, безъ наблюденія формальныхъ польскихъ обрядовъ и безъ употребленія адвокатовъ, кои высасываютъ изъ вѣрителей своихъ часто не меньше того, чего стоить искъ. Сенатъ подтвердилъ сію записку повсемѣстными указами, которые исполняются къ пользѣ и выгодѣ духовныхъ, «даже до сего дне».

Предъ выѣздомъ изъ Могилева, сенаторъ графъ Воронцовъ потребовалъ къ себѣ Лудевина. «Я знаю причину—сказалъ онъ—по которой ты идешь въ отставку. При тебѣ ли твой голосъ?»

— «Нѣтъ ваше с.....»

— «Принеси же».

Лудевинъ сбѣгалъ на квартиру.

— «Читай».

Лудевинъ прочиталъ.

«Согласенъ ли твой голосъ съ истинною дѣла?»

— «Согласенъ ваше с., отвѣчалъ Лудевинъ, безъ того на какой же бы вонецъ и мнѣніе писать?»

— «Очень хорошо. Что ты съ собою думаешь сдѣлать по полученіи отставки?»

— «Хочу ѣхать въ Петербургъ».

— «Очень хорошо; по приѣздѣ покажись во мнѣ, я тебѣ помогу».

Мой Луцевинъ, пересказывая мнѣ сіе, не дрожалъ отъ радости, но въ глазахъ его сверкало удовольствіе.

Пассекъ, узнавъ о семъ, не пропустилъ сказать графу при отъѣздѣ его: «у вашего сіятельства былъ ассесоръ Луцевинъ, второй.....»

Графъ перебилъ: — «онъ, по полученіи отставки, намѣренъ искать службы въ Петербургѣ, просилъ моего пособія. Я велѣлъ ему явиться ко мнѣ, когда придетъ въ Петербургъ».

По отъѣздѣ сенаторовъ, Луцевину скоро пришла отставка, съ награжденіемъ чина. Онъ продалъ свой домикъ и всѣ мелочи; сбилъ изъ нихъ въ одно мѣсто небольшую свою казну, снарядилъ добрую вибиту. Мы условились другъ къ другу писать, увѣдомлять, и проч... Я проводилъ его за городскія ворота, версты съ двѣ; но ни я, ни онъ не знали, что мы прощались на вѣки!

Графъ Воронцовъ устоялъ на словѣ. Онъ Луцевина одобрилъ олонцеому и архангельскому генераль-губернатору Тутолмину. Тутолминъ помѣстилъ его въ намѣстническое правленіе совѣтникомъ; и Луцевинъ, доволенъ будучи своею участію, и списываясь со мною пріятельски, хвалился и крупнымъ и мелочнымъ, наприм.: и милостію генераль-губернатора, и выстроеннымъ въ Петрозаводскѣ домомъ, съ балюстрадами, и проч., и достоинствомъ старшины въ благородномъ клубѣ. Все, какъ казалось, шло своимъ чередомъ. И мы желали и надѣялись когда-нибудь послужить въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ служили и какъ выѣхали вмѣстѣ изъ отечественныхъ предѣловъ въ Бѣлоруссію. Но, въ продолженіи сего паутиннаго въ мысляхъ сплетенія, которое слабые люди называютъ надеждою, получилъ я 1789 г. отъ пріятеля, бывшаго на ту пору изъ Могилева въ Петербургъ, въ копіи письмо, писанное отъ Тутолмина къ графу Воронцову, слѣдующаго содержания: «Къ крайнему моему прискорбію, я потерялъ сотрудника и пріятеля. Одобреной мнѣ вашимъ сіятельствомъ олонцеаго намѣстническаго правленія совѣтникъ Луцевинъ, бывъ долговременно, но, по мнѣнію здѣшнихъ несмысленныхъ медиковъ, не опасно боленъ, на сихъ дняхъ скончался».

1786-й годъ въ моей жизни незавиденъ. Текуція дѣла по должности, препорученія отъ начальства сверхъ должности — безъ награды и безъ замѣчанія, — чувствительный недостатокъ, от-

крившійся при возвышеніи на все дороговизны, необходимыя съ квартиры на квартиру переходы *), простудныя ревматическія болѣзни и тому подобныя душевныя и тѣлесныя скорби не веселятъ воспоминаніемъ объ нихъ и нестоютъ того, чтобъ заниматься подробнымъ ихъ описаніемъ, хотя они и очень дорого стоютъ моею чувствительности.

1787-й годъ, въ зимнюю пору, ознаменованъ былъ проѣздомъ государыни императрицы чрезъ Могилевскую губернію въ Тавриду. Главное мѣсто проѣзда былъ уѣздной городъ Мстиславль. Туда собралась вся губернская знать: генераль-губернаторъ, губернаторъ, три архіепископа трехъ христіанскихъ религій, и проч...

Тогда-то гревороссійской религіи архіепископъ Георгій Конискій, будучи въ глубокой **) старости, сказалъ предъ императрицею молодецкую рѣчь, и получилъ тысячу рублей. Я не многимъ ошибусь, если напишу ее здѣсь не въ самой точности.

Р ѣ ч ь :

«Оставимъ астрономамъ судить, солнце ли около насъ ходитъ, или мы съ землею около его обращаемся. — Наше солнце около насъ ходитъ. Исходиши премудрая монархія, яво женихъ, исходиай отъ чертога своего. Отъ края моря Балтійскаго, до края моря Евксинскаго шествіе твое, да тако ни единъ укренется благодѣтельныя теплоты твоея. Тецы убо, о солнце наше, слышно! Тецы исполнскими стопами; къ западу только жпзни твоея не спѣши***), а въ противномъ случаѣ, мы уцѣпимся за тебя и потребуемъ, какъ Иисусъ Навинъ: стой солнце и не движися, дондеже вся противная намѣреньямъ твоимъ побѣдиши».

Отъ Мстиславля шествіе государыни императрицы было на Чечерскъ, знатное мѣстечко, принадлежащее вдовствующей графинѣ Чернышевой, пожалованное отъ императрицы за услуги мужу ея графу З. Гр. Чернышеву. Графиня, въ теченіе сутокъ, угостила свою государыню и благодѣтельницу соотвѣт-

*) Строка эта въ подлинникѣ зачеркнута.

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «премаститой».

Ред.

***) Слова подчеркненныя—мои. Но мысль точно та, которая въ подлинникѣ и которой literalнаго выраженія не могъ я припомнить.

Г. Д.

ственно знаменитости и вкуса дому графовъ Чернышевыхъ; а по отъѣздѣ монархини отправилась и сама въ сосѣдствѣ своей помѣщицѣ, вдовствующей генеральшѣ Фабриціантѣ, дабы, сообщивъ ей разговоръ о высочайшемъ посѣщеніи, раздѣлить съ нею удовольствіе и время, какъ съ госпожею благовоспитанною, и успокоить себя отъ прошедшихъ трудовъ.

Хозяйка имѣла превеликой длинной, одно-этажной деревянной новой домъ. Для каждаго гостя, или для нѣсколькихъ, былъ особой покой съ надлежащими выгодами и нѣсколькимъ числомъ книгъ на разныхъ языкахъ, и проч. При такомъ порядкѣ, которому все въ домѣ соотвѣтствовало, оставалось только покоиться. Но среди самаго покоя и сна, въ ночную пору, загорѣлся домъ. Страшной трескъ не прежде во всемъ домѣ услышали, какъ уже большая часть дома обнята была пламенемъ. Усилиемъ многихъ рукъ хозяйскихъ и гостинныхъ слугъ, ускорили разрубить запертые, но свободные еще отъ огня окончины покоевъ той части, въ которой почивали гостя и хозяйка. Онѣ начинали уже дуться дымомъ и терять силы и память. Ихъ успѣли выхватить чрезъ огны, не заботясь о башмакахъ и шубахъ въ трескучій морозъ *).

Уже домъ сгорѣлъ до основанія, дымились только остатки, и малое пламя проскакивало по мѣстамъ. Уже малой день сближался къ полудню, какъ лежащая отъ испуга графиня опомнясь, потребовала къ себѣ всѣхъ своихъ служащихъ. Ей сказали, что управителя ея—маіора Лукса, землемѣра—Дольнера и еще бывшаго съ ними одного молодого офицера не могли отыскать.— Она упала въ обморокъ.

На послѣдокъ, остатки тѣлъ сихъ несчастныхъ найдены въ горячемъ пеплѣ, собраны въ одинъ мѣхъ, положены въ одинъ гробъ и преданы землѣ.

Графиня оставшейся бездѣтной вдовѣ, майоршѣ Луксъ, опредѣлила по смерти денежную пенсію и деревню.

Послѣ сей тревоги, графиня чрезъ долгое время всѣмъ тѣмъ, кто желалъ чести имѣть ее у себя въ гостяхъ, отвѣчала едино-

*) Физики не упоминаютъ, во сколько онъ былъ тогда градусовъ. А тѣ термометры и барометры, которые имѣла хозяйка, всѣ погорѣли. Г. Д.

словно: «не желайте вы видѣть въ своемъ домѣ несчастную. Я, куда ни приѣду—всюду бѣдствие и смерть съ собою привезу» *).

Пассекъ, при проѣздѣ императрицы, получилъ отъ щедротъ ея шкатулку съ табакерками, часами, перстнями, для роздачи ихъ служащимъ въ штатской службѣ, коихъ, по его благоразсмотрѣнію, найдетъ онъ достойными сихъ знаковъ монаршаго благоволенія. Благоразсмотрѣніе его нашло человѣкъ съ четырехъ въ городѣ и по губерніи, которыхъ онъ обязанъ былъ награждать изъ собственнаго кармана за услуги, оказанныя и продолжаемыя ему; протчія изъ вещей, $\frac{5}{6}$, по всѣмъ правамъ и прерогативамъ, найдены приличными для М. С. **).

«И кто изъ насъ, друзья! въ желаньяхъ не таковъ?» Волг. ***).

§ XLII.

Москва.—Тамбовъ.

Въ прошедшемъ еще году достались двѣ деревни по наслѣдству, или лучше сказать, по мирному третейскому раздѣлу дѣ-

*) Когда благородное въ Москвѣ собраніе предположило поставить въ память Екатерины II статую бронзовую и когда, на просьбу свою о томъ, получило уже отъ государя императора Александра I позволеніе, графиня Чернышева, узнавъ о семъ намѣреніи благороднаго собранія, писала къ старшинамъ онаго 1810 г. письмо, изъ котораго я нѣкоторыя мѣста, выписавъ, сообщаю подъ симъ: «Счастіемъ поставляю, что Провидѣніе продолжило мое бытіе до сей эпохи, въ которую и я, пренеполненная благодарности къ сей великой государынѣ, могу быть удостоена принести ей малую лепту отъ ея же щедротъ..... Стыжусь не умѣть излить моихъ чувствованій, коими сердце мое исполнено..... Съ семилѣтняго моего возраста въ сиротствѣ, принята я и воспитана въ чертогахъ царскихъ Елисаветою I, пожалована во фрейлины Петромъ III, въ статсъ-дамы—Екатериною II, и, въ старости и во вдовствѣ, на одрѣ болѣзненномъ, не забыта Павломъ I, получивъ орденъ св. Екатерины 1-й степени..... Я обливалась слезами, читая описаніе всѣхъ милостей монаршихъ—Александра I, къ древней столицѣ, гдѣ нѣкогда мужъ мой начальствовалъ, котораго духъ еще пребываетъ въ Москвѣ, желая ей славы, коей инынѣ удостоена. Я его лишилась, во его чувства обитаютъ во мнѣ. Я мысленно слѣдовала вездѣ за государемъ и участвовала въ восторгѣ всѣхъ жителей Москвы. Мнѣ казалось, что графъ мой живъ, и я съ нимъ угощаю толика любимаго государя, котораго удостоилась видѣть въ пеленахъ и на тронѣ. Спасибо жителямъ Москвы, что приняли его сердечно; но жаль, что мало имъ наслаждались..... Пова есть во мнѣ дыханіе, каждой годъ буду вносить охотно, на все должное и полезное, по десяти тысячъ рублей. Сія малость есть искра того пламени, которымъ пылаетъ душа моя къ отечеству» и проч... С ѳверн. Почта. № 40, 1810 г. марта 19 дня.

**) Марія Салтыковой.

***) Цитата эта въ подлинникѣ зачеркнута.

Г. Д.

Ред.

тямъ Марьи Сергѣевны отъ законнаго брака, въ Танбовской и Пензенской губерніяхъ, куда и посланъ былъ секретарь генераль-губернатора Счетневъ, для отказа и принятія ихъ законнымъ порядкомъ. Но, будучи на свободѣ, перепился и въ умѣ помѣшался. На мѣсто его понадобился человѣкъ, который бы не перепивался и въ умѣ не мѣшался. Сіе доброе мнѣніе пало на меня. Вслѣдствіе чего, секретарь генераль-губернатора Путимцовъ объявилъ мнѣ, что его высокопревосходительство, оставя свое ко мнѣ неудовольствіе, родившееся по причинѣ связи моей съ Луцевичнымъ, дѣлаетъ мнѣ честь препорученія, чтобы я исправилъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Пензенской и Танбовской губерній все то, что испорчено, или не кончено Счетневымъ.

Въ 1-мъ часу по полудни генераль-губернаторъ, принявъ меня благосклонно, сказалъ сими точно словами: «Я на тебя поворчалъ, ты это знаешь. Теперь это дѣло уже прошлое. Здѣлай одолженіе для Марьи Сергѣевны. — Путимцовъ дастъ тебѣ цѣлое дѣло о деревняхъ, доставшихся дѣтямъ ея по наслѣдству. Прочитавши его, скажи мнѣ, что ты въ немъ найдешь».

Въ дѣлѣ нашель я: 1-е, копію съ формальнаго раздѣла господъ Салтыковыхъ, въ числѣ которыхъ достались и дѣтямъ Марьи Сергѣевны двѣ деревни, Бѣляевка и Шелдаисъ, состоящія невступно изъ 500 душъ, въ Танбовской и Пензенской губерніяхъ; 2-е, принятіе на себя опекунства двоима сенаторами, Обрѣсковымъ и Масловымъ и 3-е, партикулярныя по сей матеріи переписки, предписанія къ Счетневу и отписки отъ Счетнева, и прочія мелочи, каковыми обыкновенно всякія дѣла наполняются.

Пассекъ, выслушавъ на завтра мой докладъ и не сомнѣваясь изъ него, что я прочиталъ дѣло, взялъ меня за руку, говоря: поди же, я представлю тебя къ Марьи Сергѣевнѣ». Лишь только мы изъ кабинета въ залъ, Марья Сергѣевна туда же изъ гостиной противъ насъ — какъ будто по сигналу — явилась, съ бумагою въ рукѣ. Пассекъ, представляя меня, сказалъ: «Вотъ матушка, господинъ Д., о которомъ я тебя уже предварилъ; на него можно понадѣяться, что онъ все то исправитъ, что нашъ несчастной Счетневъ привелъ въ замѣшательство».

Марья Сергѣевна, вручая мнѣ формальную довѣренность, сказала мнѣ благосклонно: «Я поручаю вамъ мои дѣла, старайтесь хорошенько, я буду помнить».

Въ слѣдующіе за симъ дни, Пассекъ снабдилъ меня письмами въ Москву: къ опекуну, сенатору Маслову, — а Обрѣсковъ умеръ — къ танбовскому губернатору Державину, и къ племяннику своему, бригадиру Полтеву, имѣющему въ Москвѣ свой домъ и пребываніе, дабы онъ позволилъ дать мнѣ въ своемъ домѣ квартиру, гдѣ и другіе, посылаемые отъ дяди, всегда оставались. Тако-жъ далъ письменную инструкцію и 200 рублей на прогоны и издержки и штатной роты солдата, котораго нужно было выпросить для дороги.

Отправясь, въ іюнѣ мѣсяцѣ, чрезъ Мстиславль, Гжатскъ и Можайскъ въ Москву и подъѣзжая къ ней, я уже смотрѣлъ на столицу, мнѣ не незнакомую. Но прежде нежели искать улицы, въ которой живетъ Полтевъ, заѣхалъ къ г-ну Ключареву *), у котораго квартировалъ въ зиму 1785 года. Онъ велѣлъ провожатому показать мнѣ домъ Полтева, между тѣмъ, былъ радъ, спрашивалъ о состояніи Могилева, могилевскихъ, о препорученной мнѣ коммисіи; просилъ, чтобъ я приходилъ къ нему обѣдать, чего я и не забылъ повторять чрезъ нѣсколько дней.

Подходя съ моимъ проводникомъ въ дому Полтева, увидѣлъ туда же идущаго человѣка, маленькаго, толстенькаго, молодого, краснолицаго, круглолицаго, въ сертугѣ песочнаго цвѣта; онъ взглянувъ на меня остановился и вскричалъ: «А!... мы могилевскіе». Это былъ Счетневъ, возвратившійся изъ деревень въ Москву. Я не могъ его знать, потому что онъ въ штатъ генераль-губернатора поступилъ изъ Полотска, а въ Могилевѣ былъ на короткую пору, единственно для отправленія его въ деревни; а онъ меня узналъ можетъ быть потому, что случилось ему видѣть меня въ Могилевѣ.

Вошедши въ его комнаты, мы другъ-друга о чемъ надобно

*) Ключаревъ, Фед. Петровичъ, при графѣ Чернышевѣ былъ секретаремъ по Могилевской губерніи, потомъ прокуроромъ въ московскомъ губернскомъ магистратѣ, а оттуда, по обыкновеннымъ съ служивыми превратностямъ, перевдвннуть прокуроромъ же въ Вятку; отсюда взявъ отставку, жилъ въ Москвѣ и пользуясь покровительствомъ и снабженіемъ вдовствующей графини Чернышевой, считался секретаремъ въ штатѣ деверя ея графа Ив. Григ. Чернышева, президента коллегіи адмиралтейства. [По вступленіи же Павла I на престолъ, сей Ключаревъ возведенъ въ достоинство дѣйствительнаго статскаго совѣтника, обвѣшенъ орденами и сдѣланъ прежде въ Астрахань, а потомъ въ Москву, главнымъ почтъ-директоромъ. — Нынѣ онъ сенаторъ въ Москвѣ. Г. Д

спросили, что надобно рассказали. А на первой почтѣ писали каждой отъ себя къ генераль-губернатору о дѣлахъ Марьи Сергѣевны, о которыхъ онъ во всякомъ случаѣ заботился больше, нежели о самомъ себѣ. Онъ былъ наинѣжнѣйшій и наилутчій изъ смертныхъ любовникъ и отецъ.

Хозяинъ, Сергѣй Андреевичъ Полтевъ, получа отъ меня письмо, спросилъ о здоровьѣ дяди и общалъ мнѣ поруководствовать, если бы въ чемъ по Москвѣ коснулась мнѣ надобность.

Бригадиръ Сергѣй Андреевичъ Полтевъ жилъ не женатой, велъ жизнь скромную, и почти уединенную; въ ту пору, какъ я его видѣлъ, былъ онъ лѣтъ подѣ 40, а отъ сего времени года чрезъ два услышали мы въ Могилевѣ, отъ П. Б. Пассека, слѣдующую объ немъ повѣсть: «Мой племянникъ — говорилъ онъ — С. А. Полтевъ пошолъ въ монастырь; онъ сперва сдѣлалъ завѣщаніе и прочія на бумагахъ сдѣлки, велѣлъ заложить коляску; взялъ съ собою лучшихъ своихъ слугъ, на вѣрность которыхъ могъ онъ понадѣяться, и поѣхалъ. Подѣзжая къ монастырю, за нѣсколько верстъ остановился; и указывая людямъ на монастырь, сказалъ: «вонъ гдѣ мое жилище! вы теперь свободны, вотъ вамъ — отдавая имъ запечатанной конвертъ — и законное по формѣ увольненіе. Когда вы его покажете тетусѣ, то получите отъ ней написанную здѣсь награду; увѣряю васъ, что вы всѣ будете мною довольны. Съ сего мѣста возвращайтесь назадъ въ Москву». Люди облились слезами и просили позволенія слѣдовать за нимъ въ монастырь; но онъ, простясь и разставшись съ ними, пошолъ пѣшой къ монастырю».

Мнѣ очень жаль, что я не могу припомнить названія монастыря, ни губерніи, ни уѣзда, въ которыхъ онъ находится *), однакожь безъ сомнѣнія, въ Москвѣ и въ другихъ россійскихъ губерніяхъ долженъ быть извѣстенъ такой монастырь, въ которомъ все дворяне, удалившіеся туда или по склонности природы, или имѣя чувствительное сердце, не могли, будучи въ службѣ, перенести самонравія счастья. И такъ же не умѣю сказать: монахи ли тамъ обитаютъ? или свѣтскіе? или только монахи суть тѣ, которые захотятъ вступить въ монашество? Могу только о томъ увѣрить, — что мнѣ самому случилось слышать, — что сослужа-

*) Слова эти въ подлинникѣ зачеркнуты.

щѣ Полтеву получили ордена, а онъ, будучи старшимъ по службѣ и достойнѣйшимъ по заслугамъ, обойденъ.

Въ другой разъ, П. Б. Пассеяъ разсказалъ объ немъ слѣдующее: «Когда я въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ, дозвѣиваетъ мнѣ камердинеръ: что послушникъ какого-то монастыря проситъ видѣться со мною. Мнѣ странно показалось: какую бы могъ имѣть ко мнѣ надобность монастырской послушникъ? и, что за тонъ? видѣться со мною! Мое недоумѣніе тотчасъ разрѣшилъ человекъ, которой входитъ ко мнѣ въ бородѣ, одѣтъ по-монастырски, однакожь, не монахъ. Я скоро его узналъ, это былъ родной племянникъ мой Сергѣй Андреевичъ Полтевъ. По первыхъ и родственныхъ дружескихъ разговорахъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что посланъ въ Петербургъ по монастырскимъ надобностямъ, въ качествѣ повѣреннаго отъ монастыря. «Я—говорилъ П. Богдановичъ—заѣхалъ послѣ къ нему на квартиру. Онъ встрѣтилъ и принималъ меня непринужденно и не совѣстясь перемѣною своего одѣянія. На кровати его посланъ войлокъ; одна кожаная подушка, набитая шерстью *), а въ ногахъ лежалъ свернутой непокрытой ничѣмъ **) овчинной тулупъ. «Не стѣсняетъ ли васъ — спросилъ я его — недостатокъ или строгая жизнь, къ которой, какъ кажется, по воспитанію вашему привыкнуть почти невозможно». — «Ни мало нѣтъ невозможнаго — отвѣчалъ Полтевъ, — въ мірѣ больше заботъ, которыя ни къ чему полезному не служатъ и которыя несноснѣ всѣхъ недостатковъ. Здѣсь, печку для себя затопить, и воды принести, дѣло сколь необходимое, столь и самое простое. Амбиція, потребная въ мірѣ и въ службѣ, здѣсь невмѣстна и была бы смѣшна. Въ пищѣ мы не нуждаемся, два, три кушанья, чисто изготовленные, довольны къ насыщенію человека; мы всѣ здѣсь дворяне и служившіе государю и отечеству, слѣдственно не много между нами разницы въ воспитаніи, а во образѣ жизни и мыслей и того меньше». «Ну что же — говоритъ Петръ Богдановичъ — хоть бы игуменомъ што-ли? Стоитъ только сказать митрополиту; вы сегодня-же получите это назначеніе». — «Мнѣ и въ монастырѣ это говорятъ; но быть игуменомъ почти тѣ же суеты, что и въ свѣтскомъ состояніи. А мѣнять суеты на суеты, не было бы согласно съ

*) Послѣднія два слова въ подлинникѣ зачеркнуты.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «нагольной».

Ред.

Ред.

исполненіемъ принятыхъ единожды намѣреній». Я оставилъ его — кончилъ Пассевъ — и отчасти позавидоваль».

Можетъ быть такъ, какъ Александръ — Диогену.

Изъ простыхъ и скорыхъ разговоровъ Счетнева, изъ порядочнаго и скорого изъясненія на письмѣ, я видѣлъ въ немъ человѣка не дурака и во нравственности больше чистосердечнаго, нежели скрытнаго. Я дивился, какимъ образомъ могло это случиться, что Счетневъ переписался и въ умѣ помѣшался? Но въ продолженіи дней 12-ти, въ которые нужно было прожить въ Москвѣ, и въ которые мы съ нимъ успѣвали быть въ театрахъ, въ греческихъ кофейныхъ домахъ, за Мосевою на Воробьевыхъ горахъ, на такъ-называемыхъ Трехъ-горахъ, въ Марьиной роуди и проч. открыли мнѣ, что онъ сумасброденъ, разсѣненъ и когда выпьетъ рюмку крѣпкаго напитка, бываетъ похожъ на сумасшедшаго и начинаетъ говорить тономъ бреда, что его въ деревняхъ крестьяне предпринимали убить, отравить, зарѣзать и проч.; чѣмъ болѣе онъ выпьетъ, тѣмъ чаще повторяетъ объ этомъ подробности. Показываетъ ногу, которую будто бы они обожгли, въ намѣреніи его съечь, и на которой однако-жъ нѣтъ никакого признака. Уже не трудно было видѣть, что онъ поретъ небылицу, что и въ самомъ дѣлѣ открылось *).

Узнавъ, что танбовской губернаторъ Державинъ былъ на ту пору въ Москвѣ — по случаю возвратнаго отъ Крыма шествія чрезъ Москву государыни императрицы, — явился я къ нему съ письмомъ моего генераль-губернатора. Онъ, прочитавъ, спросилъ:

— «Почему вы узнали, что я здѣсь?»

— «Вся Москва знаетъ о бытности въ ней вашего превосходительства, отвѣчалъ я увѣренъ будучи, что стихотворцамъ лестно не противна».

— «Что вамъ надобно?..»

— «Письмо отъ вашего превосходительства къ уѣздному судѣ того уѣзда, въ которомъ деревни, слѣдующія къ отказу за малолѣтнихъ Салтыковыхъ».

— «Очень хорошо (записавъ въ книжку дѣло), приходите ко мнѣ въ субботу часу въ 9-мъ поутру».

*) По прошествіи отъ сего времени нѣсколькихъ лѣтъ, онъ, пьяной, въ сумасшествіи, чуть-было не отхватилъ себѣ ножомъ тѣхъ частей, безъ которыхъ человѣкъ — ни мужчина, ни женщина.

Отъ него былъ я у сенатора Маслова. Онъ, принявъ меня засково, позволилъ, яко опекунъ, чтобъ я, отъ имени его, написалъ для себя довѣренность объ отказѣ деревень, которую онъ, тогда же подписавъ, велѣлъ мнѣ засвидѣтельствовать ее въ московской гражданской палатѣ. «Господа члены палаты — приподвигъ онъ — любя меня и зная лично, надѣюсь, не потребуютъ законной точности, чтобъ я лично въ палатѣ признавала мое подписаніе». Однако-жь, со всею его на нихъ надеждою или увѣреніемъ меня, члены палаты согласились только на засвидѣтельствованіе собственноручнымъ подписаніемъ, а не формальнымъ отъ палаты и то съ помощью для меня секретаря палаты *), чѣмъ я и долженъ былъ довольствоваться, а въ субботу, по назначенію, получилъ письмо отъ губернатора Державина.

Мнѣ, больше нежели изъ Могилева въ Москву, не хотѣлось выѣзжать въ другую сторону изъ Москвы, то-есть въ Тамбовъ и Пензу. Причина нехотѣнію была та, что, по словамъ московскихъ жителей, я поѣду въ дорогу **) преслѣдуемую ворами и разбойниками. Я вѣрилъ этому тѣмъ больше, что пустословіе ихъ согласно было съ моею трусостью. Къ сему подоспѣло одно происшествіе: за день предъ моимъ выѣздомъ, одинъ богатой поселянинъ — позабылъ кому принадлежащій — хозяинъ и содержатель извозчиковъ и городскихъ экипажей, собственно ему принадлежащихъ, имѣлъ обыкновеніе носить опоясанной около себя подъ платьемъ, таеъ-называемой черезъ, съ деньгами въ монетѣ и въ ассигнаціяхъ. Въ такомъ убранствѣ легъ онъ спать, видно уже не въ первой разъ, между своими каретами и колясками, которыя обыкновенно ставятся въ Москвѣ внѣ двора, предъ воротами на улицѣ, дабы каждый, желающій нанять, скорѣе ихъ видѣлъ. По утру онъ найденъ убитъ и обобранъ. Мнѣ казалось это худымъ для меня предвѣщаніемъ. Я не суевѣръ, но ощущаю, что человѣкъ есть недостижимая нескладаца и смѣсь всего.

Не отвергая, ни утверждая ничего, не долженъ я пропустить въ молчаніи слѣдующаго обстоятельства, которое случилось

*) Секретарь Андр. Дмитр. Прѣжека, знакомой и пріятель мнѣ, еще въ бытность его при должности въ Могилевѣ, во время генераль-губернаторства графа Чернышева.

Г. Д.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «въ сторону».

Ред.

хотя уже 10 лѣтъ спустя послѣ сего, однако-жъ, по матеріи о предвѣщаніяхъ или предчувствованіяхъ сердца, прилично помѣстить его здѣсь.

Въ 1796-мъ году, осенью, Пассекъ, обвинчавшись напоследокъ съ Марьею Сергѣевною въ селѣ своемъ — Смоленской губерніи — Яковлевичахъ, возвращался оттуда чрезъ Мстиславль и Могилевъ въ Петербургъ. Нужно знать, что Пассекъ, отъ вступленія на престолъ государыни императрицы, и жилъ и дышалъ какъ воздухомъ милостями царскими, и былъ приверженъ въ императрицѣ и чувствителенъ въ ея милостямъ безпредѣльно. Въ проѣздъ свой, о которомъ говоримъ, остановившись во Мстиславль во дворцѣ казенномъ, уготованномъ для проѣзда еще въ Тавриду государыни императрицы, онъ вдругъ подвечеръ занемогъ. Собраны и собрались всѣ ближайшіе врачи, и даже за другими въ Могилевъ посланъ былъ нарочной. Больной метался по дивану. Медики, которые скорѣе могли собраться, спрашивали: что? и въ какомъ мѣстѣ чувствуетъ больной? Онъ отвѣчаетъ: что не чувствуетъ никакой боли, ни жара, ни озноба, но желаетъ лутче умереть, нежели жить. Врачи удивились странности болѣзни; одинъ говоритъ: «это пройдетъ! успокойтесь ваше высокопревосходительство», другой говоритъ: «это бываетъ отъ сгущенія крови. Это родъ истерическаго или гипохондрическаго припадка, надобно имѣть движеніе», и проч. Но Пассекъ, метавшись и страдая цѣлую ноябрьскую ночь, по утру могъ одѣться, и отѣхалъ въ жестокой скукѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Когда-жъ это съ нимъ случилось?

6-го числа ноября 1796 г., въ тотъ самой вечеръ, когда представилась государыня императрица Екатерина II.

Я тревожился и тревогу признавалъ предвѣщаніемъ сердца. Многіе найдутся, даже въ кругу называемыхъ просвѣщенныхъ, и возьмутся доказывать метафизически, что сердце предвѣщаетъ; но я, въ теченіи моего вѣка, часто испыталъ грусть, скуку, задумчивость, растворенную какою-то неизъяснимою неприятною; однако же все это проходило безъ послѣдствій, что и теперь случилось. Я выѣхалъ благополучно изъ Москвы на долгихъ. ъхалъ чрезъ Кусково, Коломну, Владиміръ, Рязань, Козловъ, и приѣхалъ благополучно, Танбовской губерніи въ городъ Спаскъ *),

*) Городъ сей переименованъ изъ села; для описанія такихъ городонъ до-вольно одного наименованія.

въ уѣздѣ котораго деревня одна изъ двухъ, порученныхъ мнѣ для отказа и проч.

Не теряя времени, пошелъ я къ уѣздному судѣ. Нашелъ его дома, сказалъ о себѣ и о надобности, и вручилъ ему письмо губернатора Державина. Я нашелъ въ немъ человѣка честныхъ правилъ, благородныхъ мыслей, вѣжливаго безъ принужденія. Онъ недопустилъ меня до дальнихъ изъясненій, сказавъ: «Я знаю собственнымъ опытомъ, сколь тягостно человѣку благородному, имѣя необходимость, просить канцелярскихъ чиновъ, секретарей, судей, у вельможъ постоять въ передней, не рѣдко для того, что такъ угодно камердинеру. Изъ сего посудите, могу ли я допустить васъ, чтобъ вы меня просили, или огорчать васъ медленностью нашего уѣзднаго суда? Притомъ пишетъ ко мнѣ мой губернаторъ; дайте только просьбу, и дѣло сдѣлано».

Это былъ Ларіонъ Семеновичъ Жуковъ. Отъ него былъ я у застѣвателя, забылъ какъ его зовутъ. Человѣкъ пожилой, очень доброй, ласковой и гостепріимной; счастье послужило, что и земскаго исправника нашелъ дома. Итакъ, предвара ихъ въ самую короткую пору о существѣ дѣла и о довѣренностяхъ, отбѣхалъ въ деревни Салтыковыхъ, лежація межъ собою въ десяти верстахъ, по обѣимъ сторонамъ границы, раздѣляющей Пензенскую губернію съ Танбовскою.

Въ обѣихъ деревняхъ нашелъ я крестьянъ зажиточныхъ, порядочныхъ. Они приняли меня на свое содержаніе, и распорядили къ тому всѣ принадлежности весьма проворно. Къ квартиру приставили посмѣнную стражу. Квартира мнѣ отведена въ ветхомъ господскомъ домикѣ, состоящемъ изъ одного бѣлаго покоя съ перегородкою и сѣней, доказательство, что господа Салтыковы никогда здѣсь не живали. Мнѣ однако-жъ, особливо въ разсужденіи лѣтняго времени, было не тѣсно.

Въ теченіе мѣсяца, которой я здѣсь прожилъ, бывалъ я въ маленькихъ уѣздныхъ городкахъ обѣихъ губерній, Спаскѣ и Керекскѣ, въ домахъ тамошнихъ мѣстныхъ чиновниковъ, служащихъ по трилѣтнимъ выборамъ. Сдѣлалъ формальной отказъ деревень за г-жу Салтыкову—такъ мнѣ предписано было, чтобъ отказъ учинить за мать, а не за дѣтей—разбиралъ и рѣшилъ частныя между крестьянами поземельныя ссоры и сосѣдственныя несогласія, — ибо привилегія, данная человѣку всякаго состоя-

нія, ссориться и драться сколько онъ хочетъ, распространена и на крестьянъ. Собралъ съ нихъ годовой оброкъ. Купилъ нѣкоторымъ, за ихъ деньги, собственно для нихъ, отъ желавшихъ продать, пашенныя земли, на имя госпожи ихъ. Написалъ, разсмотря обстоятельства деревень, наставленіе для бурмистровъ, земскаго и крестьянъ. Наставленіе или законъ, не меньше премудрой *), каковой Солонъ написалъ Афинянамъ; слѣдственно, всѣмъ не такой, каковой извергъ челоуѣчества Ликургъ далъ Спартѣ—и, отправился домой съ мечтою законодателя **), чрезъ губернской городъ Танбовъ. Изъ Танбова послалъ, по почтѣ, при письмѣ, оброчныя деньги и копію съ моего наставленія въ моей вѣригельницѣ и въ моему генералъ-губернатору, а самъ, вслѣдъ за симъ, отправился на долгихъ обратно на Владиміръ и Москву.

Еще на первомъ моемъ пути желалъ я изъ Владиміра свернуть въ сторону и побывать въ Суздаль, чтобъ видѣть тамъ того преосвященнаго епископа Тихона Якубовскаго, которой, будучи еще Сѣвскимъ епископомъ, воззвалъ дѣтской мой возрастъ въ домъ архіерейской, о чемъ прежде мною сказано, въ 1766-мъ году. Но сего іерарха, сказали мнѣ, уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ. Я, однако-жъ, на семъ возвратномъ пути не вытерпѣлъ, завернулъ въ Суздаль. Непреоборимое желаніе влекло меня видѣть третій и послѣдній ***) его епархіальный городъ, его катедральный домъ и обитанныя имъ комнаты. Остановившись въ городѣ на квартирѣ, полюбопытствовалъ я походить по сему старинному городу. Церквей въ немъ множество, въ разсужденіи малости города, очень часты, и всѣ каменные, въ чистотѣ и вкусѣ просто-греко-старо-россійскомъ. Смотри на городъ издали, рождается воображеніе, что это часть земли, отвалившаяся со всѣми зданіями отъ Москвы, столь онъ похожъ на нея своими церквами; но въѣхавши въ него, найдешь по улицамъ почти такую же неопрятность, каковая въ Константинополѣ. Соборъ достопочтенныя древности просторенъ и богатъ, и похожъ, какъ родной братъ, на соборы московскіе: Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій, которые служатъ доказатель-

*) Въмѣсто зачеркнутаго «точь въ точь такой же».

Ред.

**) Въ подлинникѣ слова: «съ мечтою законодателя»—зачеркнуты. Ред.

***) Онъ архіерействовалъ въ Сѣвскѣ, въ Воронежѣ и на послѣдокъ—въ Суздаль.

Г. Д.

ствомъ, что греки, сообщившіе намъ планъ и фасадъ истины евангельскія, были въ архитектурѣ публичныхъ зданій великіе невѣжи *). Я трафилъ въ соборъ подъ конецъ вечерни, и наткнулся на стараго мужа, соборнаго протопопа. Онъ, по просьбѣ моей, показалъ въ соборѣ мѣсто, гдѣ погребенъ покойный преосвященный Тихонъ. Оно къ лѣвой сторонѣ олтаря, закрыто тѣмъ же чугуннымъ поломъ, какимъ и вся церковь, и никакого признака не оставлено. Изъ собора былъ въ домъ архіерейскомъ, который хоть не обширенъ, но весь каменной и со всѣхъ равныхъ четырехъ сторонъ возвышенъ въ два безперерывныя жилья; внутри сего четверугольника, посреди площадки, садъ четверугольникомъ же, обнесенный рѣшеткою, а между ею и сказаннымъ каменнымъ зданіемъ оставлены, порозжія со всѣхъ четырехъ сторонъ, мѣста для ходу, сажени на 3 въ ширину.

Мнѣ показали внутренность всѣхъ покоевъ, кои занималъ покойный преосвященный; удобность была видѣть все, потому что домъ, съ епархією, присоединенъ уже былъ къ катедрѣ владимірской, почему и оставался необитаемымъ. Осмотрѣвши, въ сродной мнѣ задумчивости, мѣсто, гдѣ обиталъ напоследокъ первоначальный виновникъ благъ моихъ, продолжилъ путь въ Москву. На семь разстояніи видѣлъ въ Коломнѣ архіерейской домъ, которой, такъ же какъ и суздальской, былъ уже упраздненъ и присоединенъ къ вѣдомству—сколько помню—московскаго митрополита, и которой стѣдитъ того, чтобъ его видѣть. Внутреннее церковей украшеніе богато и со вкусомъ; огромность колоколовъ являютъ богатство мѣста, усердіе къ церкви и тщаніе бывшихъ здѣсь владыкъ. Стѣны и башни возвышенныя, съ крѣпостными зубцами или городками, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ построенныя въ два ряда, одни выше другихъ, подтверждаютъ истину, что сіе зданіе есть произведенія древнихъ російскихъ удѣльныхъ князей, кои въ семь замѣкъ обитали, а потомъ, съ измѣненіемъ временъ, досталось оно въ казну духовную, на часть іерарховъ, титуловавшихся коломенскими и коширскими.

Въ Москвѣ остановился я въ новоотстроивавшемся домѣ княгини Дашковой, по знакомству мнѣ управителя ея маіора Щербакова.

*) Извѣстно, что, по введеніи въ Россію христіанскаго закона, при построеніи дутчихъ церковей всегда руководствовали греки. Г. Д.

Ежели празднословіе грѣхъ не слишкомъ смертной, то позавляюся я имъ нѣсколько: княгиня Дашкова, по ея дарованіямъ и заслугамъ престолу императорскому, почтена достоинствомъ «директора российской академіи наукъ». Домъ, въ которомъ я остановился, по знакомству мнѣ ея управителя, завистники подозрѣвали, что онъ выстроенъ изъ суммы академической. Незвѣстный вагой-то насмѣшникъ, безъсомнѣнія, не любящій злоупотребленія, если съ нимъ не дѣлятся, написалъ слѣдующіе стихи:

Французской лексиконъ два тома составляетъ,
И сорокъ человекъ трудились полнѣе.
Россійской лексиконъ въ два года поспѣваетъ,
И трудятся надъ нимъ два только человека.
Россіянка одна и польской жиловиня,
Два тома *) каменны создали въ годъ одинъ.
Теперь стараются ихъ только переплестъ,
Чтобъ пользу тѣмъ себѣ сугубу приобрѣсть.

Нѣсколько дней имѣлъ я удовольствіе звать по Москвѣ, и напоследокъ отъѣхалъ въ Могилевъ.

По приѣздѣ, первымъ моимъ дѣломъ было узнать на почтѣ, получены-ль мои бумаги и оброчныя деньги? Узнавши, что оныя получены и уже доставлены къ генераль-губернатору, явился я къ нему и въ его Марьѣ Сергѣевнѣ, и былъ принятъ не съ меньшимъ благоволеніемъ и уваженіемъ, какъ Колумбъ отъ Фердинанда и Изабеллы, по первомъ его возвращеніи изъ Америки. Вскорѣ за симъ пошло представленіе сенату, о награжденіи меня чиномъ коллежскаго ассессора, съ таковымъ еще мнѣ, чрезъ того же секретаря Путимцова, объявленіемъ, отъ лица генераль-губернатора, что это мнѣ не вся награда. Сбылось, о чемъ скажется послѣ, а теперь, въ соблюденіе порядка времени, скажу: что сего 1788 года, августа 14-го, пришелъ я въ катедральной архіерейской соборъ во всеошной. Тамъ ассессоръ казенной палаты Бояриновъ, знавшій нѣсколько мою исторію, подошедъ ко мнѣ, сказалъ тихонько:

— «Кирилль Сѣвскій здѣсь».

— «Гдѣ здѣсь?...»

— «Мы видѣли, какъ они съ нашимъ архіереемъ вошли въ олтарь».

Вдругъ отворяются главныя въ олтарѣ двери—называемыя

*) Въмѣсто зачеркнутаго «дома».

царскія — и я вижу дядю выходящаго изъ олтаря на средину церкви, въ маломъ облаченіи съ пастырскимъ жезломъ, на литію. Это значитъ: онъ принялъ на себя трудъ отслужить все-нощную. Видно было по всему, что онъ силился шагъ свой сдѣлать твердымъ, осанку горделивою; въ самомъ же дѣлѣ, на зло бодрости, волочилъ ноги, хотя и не очень былъ сѣдъ; а когда зачиталъ молитву, то еще больше далъ примѣтитъ, что шестьдесятъ третій годъ его жизни *) требуетъ принадлежащей себѣ дани. Увы! pomysлилъ я — сравнивая настоящее состояніе его съ прошедшимъ — куда дѣвались его живость и проворство, какъ онъ, бывало, громогласно во всю церковь бранить, свѣчами бороды палить и по зубамъ кулакомъ даетъ! Вотъ чего стоютъ подъ старость двѣнадцатъ лѣтъ, въ которые я его не видалъ! теперь онъ другой человѣкъ! — такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ.

Послѣ литіи, я вошелъ къ нему въ олтарь. Онъ поднялся съ каедръ, далъ мнѣ благословеніе, и спросилъ:

— «Скажи правду, радъ ли ты мнѣ?»

— «Какъ мнѣ не радоваться, видя ваше преосвященство? да еще и въ благополучномъ состояніи здоровья».

— «Здоровье-то мое не очень въ благополучномъ состояніи. Я для того и ѣду въ Москву, чтобы тамъ полечиться, а въ Могилевѣ заѣхалъ для того, чтобъ видѣть вашего преосвященнаго. Онъ былъ въ Кіевѣ мой учитель **), и — видѣть тебя. Въ Москвѣ увижусь съ преосвященнымъ московскимъ Платономъ, ты знаешь, что онъ не имѣетъ причины быть мною довольнымъ ***). Всѣмъ надобно умирать, и намъ тоже. Изъ Москвы проѣду чрезъ Орель и Сѣвскъ въ Кіевъ. Вотъ кругъ моего путешествія».

— «Это движеніе увѣрнитъ больше здоровье вашего преосвященства...»

— «Дай Богъ».

— «Каковы бѣлорусскія дороги показались вашему преосвященству?»

— «Дороги больше похожи на садовыя аллеи; я думаю, они стоютъ труда и пота здѣшнимъ поселянамъ!»

*) По-академически: его возраста. Но дядя мой, не уважая академическаго смысла, давно уже понижался, а не возрасталъ. Г. Д.

***) Синтаксическаго класса. Г. Д.

***) Онъ, по натурѣ и по привычкѣ своей, всегда и вездѣ Платона злословилъ, и Платонъ объ этомъ зналъ. Г. Д.

— «За то и польза для проѣзжающихъ несравненна; да и поселянамъ, сдѣлавши единожды, осталось уже на предбудущее время легче починять, нежели вновь сдѣлать».

Между тѣмъ, какъ мы говорили, преосвященный могилевскій читалъ по книжкѣ, со свѣчкою, молитвы, коихъ обыкновенно въ эту пору читаютъ готовящіяся къ завтревнему дню на служеніе, и коихъ онъ, читавши не одну тысячу разъ, зналъ безъ сомнѣнія наизусть. Но читавши безъ книги и безъ свѣчи, никто бы не замѣтилъ, что онъ читаетъ.

Я откланялся до завтревняго свиданья; а завтре по утру, когда я къ нему пришелъ, свиданье началось вопросомъ:

— «Что вы не женитесь?»

— «Здѣсь невѣсть нѣтъ, польки безъ приданого».

— «Приданое вы сами можете нажить»...

— «Тогда и женюсь когда наживу».

Нашему странному разговору помѣшали поздравители съ праздникомъ, секретарь консисторскій и другіе. По краткомъ словѣ, архіерей-дядя спросилъ секретаря:

— «Не занятъ-ли преосвященный? можно-ли у него быть?»

«Можно, ваше преосвященство, теперъ только отъ него іезуиты вышли».

— «Іезуиты? а зачѣмъ они здѣсь были? Я ихъ мошенниковъ на порогъ бы не пустилъ».—Потомъ, схватя меня за руку: «пойдемъ къ преосвященному, сказалъ, я тебя зарекомендую».

«Преосвященный меня знаетъ...»

— «Пойдемъ.»

И не выпуская меня изъ руки, потащилъ за собою—вошедши: «вотъ, сказалъ, представляю вашему преосвященству, это былъ нашъ».

— Я довольно знаю, и отличаю; онъ былъ вашъ, а теперь нашъ»...

— «Я слышалъ, у вашего преосвященства іезуиты были?»

— Были, съ праздникомъ меня поздравили.

— «Я этихъ поздравителей дубиною бы проводилъ съ крыльца».

Могилевскій архіепископъ не нашелся, или лучше сказать, не хотѣлъ найтиса, что отвѣчать ему на эту странность. А я, видя истину пословицы: «Каковъ въ колыбелю, таковъ и въ могилку», не рассудилъ уже быть у него въ продолженіи двухъ дней, прожитыхъ имъ въ Могилевѣ, а только прицѣлилъ къ

тому времени, когда у него лошади заложены были въ выѣзду. На претенсію его, что я у него не былъ, извинился я недосугомъ по должности; онъ, безъ сомнѣнія, понялъ мою ложь, но нечего было дѣлать; ему надобно было садиться въ рыдванъ, надобно было проститься, и—мы простились на вѣки! Я, получая каждый годъ новой адресъ-календарь, всегда имѣлъ влекущее меня обыкновеніе, посмотрѣть поскорѣе, здравствуетъ ли мой Кирилль епископъ. Такимъ образомъ, и въ 1795 году кинулся посмотрѣть, но уже его не нашелъ. Я не сомнѣвался, что онъ скончалъ свое теченіе жизни, а вскорѣ потомъ получилъ и увѣдомленіе. Непонятное, но свойственное мнѣ внутреннее движеніе встревожило мою природу. Я долго былъ въ печальной задумчивости, внушавшей мнѣ симъ, хотя обыкновеннымъ, но свѣжимъ событіемъ, что все на свѣтѣ подвержено смерти!

Теперь надобно возвратиться опять къ тому пункту, съ котораго я сошолъ, а именно, что генераль-губернаторъ Пассежъ приказалъ своему секретарю увѣрить меня, что представленіе меня въ чинъ не вся награда. Онъ исполнилъ свое слово вотъ при какомъ случаѣ: въ сентябрѣ сего 1788 г. умеръ другъ мой—о которомъ я выше неоднократно упоминалъ — Дмитрій Романовичъ Чугаевичъ, надворный совѣтникъ, верхняго земскаго суда уголовныхъ дѣлъ стряпчій. Генераль-губернаторъ вспомнилъ обо мнѣ. И хотя многіе за многихъ ходатайствовали, въ томъ числѣ и преосвященный нашъ за своего консисторскаго секретаря, однако-жъ генераль-губернаторъ, минуя всѣхъ ихъ, представилъ сенату обо мнѣ. Эта милость удовлетворяла тѣмъ болѣе моей суетности, что я получилъ ее какъ будто съ бою, забывшись по обыкновенію людей, что я имѣлъ добраго секунданта, то-есть самого генераль-губернатора.

При окончаніи сего года, открылась еще надобность генераль-губернатору въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ. Я назначенъ и туда; а чтобы могъ я извѣстить поручаемое мнѣ дѣло обстоятельнѣе, и тѣмъ сдѣлать его полюбопытнѣе, то надобно начать *) его повыше, съ того самаго мѣста, о которомъ я и самъ не зналъ при порученіи мнѣ сей комиссіи. Оно для меня было закрыто.

*) Вмѣсто зачеркнутого: «взять».

Генераль-фельдмаршалъ князь Потемкинъ, будучи генераль-губернаторомъ Екатеринославскимъ, Таврическимъ, Саратовскимъ и другихъ на югѣ губерній, управлялъ всѣми сими пространныхъ степей областями самовластно, не давая отчета правительству, и, ежели кто зналъ его особу, тотъ легко повѣритъ, что онъ не давалъ отчету ни самому себѣ. Такъ угодно было жребію, чтобъ онъ родился въ рубашкѣ и чтобы никто столько не приобрѣлъ у императрицы довѣрія и вмѣстѣ съ довѣріемъ могущества, сколько онъ. Сказано мною прежде, что Пассекъ старался и успѣлъ приобрѣсть покровительство сего высокаго и толстаго столпа имперіи и другого, князя Вяземскаго, которой былъ и генераль-прокуроръ, и государственный казначей, и управлялъ многими изъ тѣхъ частей, которыя послѣ раздѣлены на многихъ министровъ. Но, съ такими сильными подпорами, Пассекъ почти ничего для себя не получалъ отъ щедротъ монаршихъ, какъ между тѣмъ другіе получали немалыя награды деньгами иль деревнями, хотя и ему сильно хотѣлось и того и другого; во-первыхъ, потому хотѣлось, что промотался, поддерживая санъ генераль-губернатора и угождая прихотямъ Марьи Сергѣевны, во-вторыхъ, потому, что желалъ ей и любезному отъ ней своему плоду увѣковѣчить что-нибудь вѣрное. Иные говорили, что сія самая его съ г-жею Салтыковою связь и была причиною, что онъ не награждался; другіе, будучи охотники отгадывать загадки и разрѣшать задачи, съ неменьшимъ основаніемъ говорили, что и князь Потемкинъ желалъ услужливаго пріятели своего держать на уздѣ, и, для какихъ-то политическихъ тонкостей, дарить его иногда отъ себя, а не отъ короны. Вслѣдствіе сего, князь Потемкинъ подарилъ своему Пассеку, — не имѣя самъ формальнаго права, и не давая такового Пассеку, кромѣ партикулярнаго письма — казенной дубовой лѣсы, на разстояніе *) около 2000 десятинъ, называемый — по близлежащему тамъ селенію Маяки **) — Маяцкая засѣка, между Бахмутомъ и Тагань-рогомъ, гдѣ кромѣ сего лѣса, въ окрестностяхъ, болѣе какъ на двухъ стахъ верстахъ нѣтъ ни дерева. Жители тамошніе по преданію знаютъ, что государь императоръ Петръ Великій приказалъ заклеить въ сей засѣкѣ болѣе тысячи дубовъ,

*) Вмѣсто зачеркнутого: «мѣрою».

**) Слова эти въ подлинникѣ зачеркнуты:

Ред.

Ред.

тогда уже избранныхъ на корабельное строеніе. Вѣроятно, это было въ то время, когда сей великій монархъ заводилъ на Воронежѣ верфь, для флотовъ на Азовское и Черное моря, но потомъ намѣреніе свое обратилъ на Балтійское море, гдѣ нынѣ Петербургъ.

Князь Вяземскій узналъ о подаркѣ и, будучи чиновначальникъ штатской, блюститель закона и государственной пользы, зналъ, что казеннымъ добромъ не дарятъ; но съ одной стороны, не желая раздражить всемогущаго Потемкина, а съ другой, не желая огорчить и Пассека, старающагося всѣми возможными силами приобретать милость его, рассудилъ за благо, присосѣдиться въ немъ въ часть, на счетъ Маяцкой засѣки. Онъ повидимому зналъ исторію римскую и триумвиратъ почиталъ дѣломъ добрымъ.

Тогда на Черномъ морѣ заводился корабельной коронной флотъ, а подрядчикъ на поставку корабельныхъ лѣсовъ былъ орловской купецъ Фурсовъ. Вяземскій рекомендуетъ его письмомъ Пассеку, какъ особѣ имѣющей корабельной лѣсѣ, какъ особу, имѣющую нужду въ корабельномъ лѣсѣ. Можетъ быть намекнулъ, что доставшійся такимъ образомъ Пассеку лѣсѣ не можетъ быть и проченъ для наслѣдниковъ.

Пассекъ давно уже назначилъ и предувѣдомилъ меня о сей коммисіи, но не открылъ того, что я выше сказалъ. А напоследокъ, въ началѣ декабря 1788 г. призываетъ и ввѣряетъ мнѣ контрактовать лѣсѣ Фурсову, доставя въ нему, генераль-губернатору, напередъ взаимныя условія, или, по его слову, прелиминары. Даетъ формальную на сіе довѣренность; говорить, что трагетъ мой лежитъ чрезъ Черниговъ, Нѣжинъ, Харьковъ, изъ Харькова въ Кременчугъ *), потомъ, чрезъ Полтаву и Бахмутъ, въ Таганрогъ, гдѣ живетъ Фурсовъ. Снарядя меня совсѣмъ, даетъ напоследокъ въ замѣчаніе, чтобъ я съ Фурсовымъ—второй былъ уже изъ купца прапорщикомъ—обошелся, какъ можно, поучтивѣе. Я, не подозрѣвая на себя, чтобъ былъ предъ кѣмъ неучтивъ, не имѣлъ равномѣрно понятія и о способѣ приобретенія Пассекомъ лѣса, а узналъ уже такъ поздно, что знаніе мое для меня было бесполезно, а для кредитора моего—убыточно. Почему и предосто-

*) Тогдашній временный губернский городъ Екатеринославской губерніи въ которой и Маяцкая засѣка.

рожность о вѣжливости передъ подрядчикомъ послужила для меня только загадкою. Доказательство, что кого удостоиваютъ довѣрія, отъ того — кромѣ шпионовъ — скрывать ничего не надобно; о чемъ развязка будетъ на своемъ мѣстѣ.

Отѣхавъ по вышесказанному маршруту, приѣхалъ въ Харьковъ и потомъ въ деревню, гдѣ вручилъ управителю Рязанову предписаніе о принятіи меня, о содержаніи, и о дачѣ денегъ на прогоны, куда будетъ надобно. Пробывъ нѣсколько дней въ деревнѣ, отправился въ Кременчугъ, для врученія отъ Пассека письма тамошнему губернатору, Василью Васильевичу Коховскому. Это тотъ Коховскій, по ходатайству котораго получилъ я чинъ губернскаго секретаря, отъ брата его, бывшаго въ Могилевѣ губернаторомъ. Письмо сіе содержало: чтобъ его превосходительство далъ мнѣ свою помощь, если я буду въ чемъ имѣть нужду, поелику порученныя мнѣ дѣла находятся во вѣренной ему Екатеринославской губерніи.

По прибытіи въ Кременчугъ и по врученіи письма, вѣжливой Коховскій спросилъ:

— «Научите вы меня, чѣмъ я Петру Богдановичу могу служить?»

«Теперь дѣла еще не начаты, а по началіи, если что откроется, тогда позвольте мнѣ потрудить ваше превосходительство».

— «Очень хорошо! Пишите ко мнѣ какъ къ другу и повѣренному Петра Богдановича».

Я угадывалъ напередъ, что къ нему не случится никакого дѣла, но заѣхалъ для того, чтобъ побывать въ небываломъ городѣ Кременчугѣ и видѣть почтеннаго моего благодѣтеля, почему и не пропустилъ я припомнить ему: «вашему превосходительству нельзя меня замѣтить, потому что я не одинъ былъ, которой вами облагодѣтельствованъ; я, однако-жъ, никогда не долженъ забыть, что, по милости вашего превосходительства, получилъ отъ Михайла Васильевича чинъ губернскаго секретаря».

Онъ былъ нездоровъ, и сидѣлъ за столикомъ на банапе, въ халатѣ и колпакѣ. Выслушавъ меня, онъ снялъ колпакъ и спросилъ: «въ какомъ вы теперь чинѣ?»

— «Титулярный совѣтникъ».

«Препорученія вамъ отъ генераль-губернатора и повышеніе чиномъ свидѣтельствуютъ, что я услужилъ человѣку достойному.

Не отзываю васъ отъ вашего мѣста, но ежели вамъ заблагоразсудится перейти *) въ намъ въ Кременчугъ, будьте увѣрены, что забыты мною не останетесь».

Поблагодари «за благосклонное обнадеживаніе, которое—сказалъ я—останется навсегда вѣрнымъ залогомъ моего счастья», отправился чрезъ Полтаву и Бахмутъ въ Таганъ-Рогъ.

Необозримая степь, совокушая съ горизонтомъ, окружала меня бездною снѣжной бѣлизны. Въ Полтавѣ былъ я только переѣздомъ, и ничего не замѣтилъ, кромѣ громаго имени Полтавы и кирпичнаго памятника на побѣду, одержанную Петромъ Великимъ надъ Карломъ XII; впротчемъ плетни да мазанки. Зима въ тотъ годъ такъ была люта, что, подъ тамошнимъ довольно-южнымъ поясомъ широты, все замерзло; почему и мнѣ случилось ѣхать чрезъ 30 верстъ саньми, по заливу Азовскаго моря, надъ которымъ стоитъ Таганъ-Рогъ.

Въ Таганъ-Рогѣ Фурсова я не нашель. Онъ, по словамъ жены его, отъѣхалъ въ казанскіе и другіе какіе-то лѣса, для закупки ихъ на корабельныя потребности. Жена его, узнавъ отъ меня всю причину моего приѣзда, увѣряла меня, что онъ по приѣздѣ, конечно, поспѣшитъ со мною видѣться или въ Бахмутѣ, или въ Харьковѣ. Притомъ называетъ меня въ разговорѣ моимъ именемъ. Я удивился, тѣмъ болѣе, что узнать ей было не отъ кого, не спрося меня самого. Она замѣтила, и тотчасъ сказала:

— «Когда вы меня не помните, такъ я васъ не забыла».

«Скажите, сударыня, передъ кѣмъ я виноватъ?».

— «Нѣтъ никакой вины; я тогда была лѣтъ 15-ти, а теперь мнѣ 30-ть, вотъ ужъ сыну 7-й годъ, да Богъ насъ навазаль: оспа лишила его глазъ».

Въ самомъ дѣлѣ, увидѣлъ я лицо мальчика испорченное, и глазъ ничего нѣтъ. «Ахъ, какое несчастье!» сказалъ я. Но желая поскорѣе узнать почему меня знаютъ.

Она продолжаетъ: «Въ послѣдній разъ бытности вашей въ Орлѣ—1775 г.—при Сѣвскомъ архіереѣ Кириллѣ, въ нашемъ дому были пріятель; батюшка намъ всегда васъ хвалилъ, и былъ доволенъ вашею къ нему милостью. Я дочь отца Ивана Введенскаго».

*) Въѣсто зачеркнутаго: «перебраться».

— «Ахъ сударыня! вы одна изъ трехъ сестеръ?»

«Точно такъ».

— «Такъ-мы съ вами-та въ жмурки и въ городки карточные игравали?»

«Точно такъ».

Тутъ мы вступили въ разговоръ, какъ давніе пріатели. Спрашивали взаимно о знаемыхъ, сотовариществовавшихъ, и проч. Я пребылъ здѣсь дни четыре, какъ сыръ въ маслѣ и какъ почки въ салѣ, помня однакожь десятую заповѣдь: «не пожелай ничего ближняго твоего: ни жены его, ни отроковицы его».

Надобно-ли сказать что о Таганъ-Рогъ? Скажу *): Дровъ нѣтъ, топять тростникомъ. Икры и рыбы много, и очень дешева. Въ безлѣсномъ мѣстѣ нельзя требовать хорошаго строенія. Фортецію можно было видѣть и изъ-подъ снѣга, что отработана по наукѣ **). Портовая таможня была закрыта въ разсужденіи продолжавшейся съ турками войны;—закрыта не для того, чтобъ ихъ опасались, но чтобъ съ товарами не подослали чумы. Тамъ обитаютъ, сверхъ россіянъ, греки и армяне; былъ я въ греческой церкви, которая хотя деревянная, однако-жь прибрана чисто. Богослуженіе отправляется на греческомъ языкѣ. Но ничто такъ мнѣ не понравилось, какъ постоянное отъ древнихъ временъ и во всемъ единообразное вещей расположеніе греческой церкви съ російскою, кромѣ разности языка.

Я не забылъ будучи въ Таганъ-Рогъ, что тамъ должно искать подполковника Петра Алексѣевича Луцевина, дяди моего пріателя Луцевина. Мнѣ указали его жилище. Я его въ домѣ не нашель. Однако-жь, прежде нежели успѣлъ выйтить изъ дома, онъ возвратился. Это было въ вечеру. Я далъ ему о себѣ знать, увѣдомилъ о племянникѣ, которой тогда уже былъ, какъ я выше сказалъ, подъ покровительствомъ графа Воронцова. Старикъ, лѣтъ за 60, но еще крѣпкой въ здоровьѣ, и съ тридцати-пяти-

*) Слово это зачеркнуто.

Ред.

**) Построилъ ее генераль-инженеръ де-Жедрасъ.—Въ теченіи времени, когда уже былъ я въ службѣ по Витебской губерніи, случилось мнѣ быть съ другими въ домѣ вдовствующей г-жи де-Жедрасъ въ деревенкѣ Дагилевѣ, при Двинѣ, отъ Витебска верстахъ въ 20-ти, гдѣ она провела остатки дней своихъ, и тамъ скончалась, лѣтъ безъ мала девяноста отъ рожденія, потерявъ напередъ въ одинъ разъ двухъ и послѣднихъ сыновей, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ ихъ, въ войну противъ турковъ.

Г. Д.

лѣтнимъ *) — Владимірскимъ — крестомъ, принялъ меня довольно, въ разсужденіи старика, привѣтливо и угощаль цимлянскими винами, краснымъ и бѣлымъ, которыя вмѣстѣ съ приходомъ нашимъ привезены къ нему въ двухъ анвервахъ; и намъ было забавно, что я къ нему, а онъ изъ гостей, поспѣшили какъ-будто на пробу вина. Жена его, лѣтъ съ небольшимъ 30-ти, сухощавая, черноволосая, смугловатая, похожая на армянку, очень было примѣтно, что имъ была любима, и что ее повелительной тонъ былъ старику приятенъ. Да, можетъ быть, эта самая и была причина, что онъ знать о сродникахъ не слишкомъ горячился. На вопросъ мой, говорили онъ, что «въ Таганъ-Рогѣ жить можно безбѣдно человѣку всякаго состоянія, потому что городъ портовой, земля плодородная, на рыбу, на игру изобиліе и дешевизна**), скотоводство превосходное, дичи множество. Посмотрѣли-бъ вы — продолжалъ онъ — какой вчера былъ свадебной ужинъ у нашего баталіоннаго прапорщика: за столомъ сидѣло персонъ до 40 и кушанья было столько — хоть бы и у коменданта»***)!

— «Да не въ долгъ ли это на радостяхъ?»

«Никакъ! Это отъ того, что у насъ съѣстное дешево, да и все, слава Богу, не дорого».

Напослѣдокъ, повидавшись съ добрымъ служивымъ и пропившись съ нимъ и съ госпожею Фурсовую, возвращался въ надеждѣ, что г-нъ Фурсовъ со мною увидится.

Въ Бахмутѣ остановившись, спросилъ я, по наставленію г-жи Фурсовой, у моего хозяина: здѣсь ли Фурсовъ? «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ; его уже давно здѣсь видѣли». Итакъ, предоставя свиданье съ нимъ, по словамъ г-жи Фурсовой, къ Харькову, пошелъ я въ церковь къ обѣднѣ. Тогда былъ день воскресный. Доброй мой шагъ не остался безъ награды: тамъ я Фурсова нашель, приѣхавшаго того же утра.

Теперь то самое мѣсто, на которомъ надобно сказать, каковъ Фурсовъ. — Старикъ, лѣтъ подѣ 60, сѣдъ, въ здоровьѣ свѣжъ и

*) Слова эти зачеркнуты.

Ред.

**) Я тогда купилъ пудъ икры для посланки въ Могилевъ. Заплатилъ 2 р. 40 к. и мнѣ въ Таганъ-Рогѣ говорили, что я купилъ дорого, потому что она сѣровата, а не черна.

Г. Д.

***) Тогда въ Таганъ-Рогѣ комендантомъ былъ Иванъ Петровичъ Каспеевъ.

Г. Д.

крѣпокъ. Ознакомившись и поговоря съ нимъ о взаимныхъ нашихъ надобностяхъ, я показаль ему довѣренность, вслѣдствіе которой сдѣлали мы съ нимъ прелиминарные пункты, изъ которыхъ главнѣйшія были: Фурсову на пять мореходныхъ суденъ *) известной величины или колибра—вырубить деревъ, а генераль-губернатору получить за это 25 тысячъ рублей, въ число которыхъ, при заключеніи контракта 5,000 р., а прочіе при начатіи рубки лѣса. При вырубкѣ лѣсовъ, быть съ обѣихъ сторонъ смотрителямъ, дабы ни лишки, ни недостатка деревъ по контракту быть не могло, и проч. Сии пункты обѣими сторонами подписаны и посланы, при моемъ донесеніи, на апробацію въ Могилевъ къ моему кредитору, генераль-губернатору Пассеку.

Я разстался съ Фурсовымъ дожидаться въ Харьковѣ рѣшительнаго приказанія, и получилъ его весною 1789 г., а предъ тѣмъ, для прогнанія скуки заохотился прокататься, по послѣднему зимнему пути, въ Бѣлгородъ, къ тамошнему преосвященному Θεоктисту Мачульскому.

Онъ тотъ самой, которой, будучи въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ архимандритомъ, угощаль нѣсколько дней моего сѣвскаго архіерея Кирилла и весь его штатъ, въ 1769 г., а потомъ уже самъ былъ сѣвскимъ архіереемъ, и наконецъ бѣлоградскимъ. Мнѣ же онъ столько знакомъ, сколько бывають знакомы почтенныя духовныя особы обращающимся въ ихъ сферѣ молодымъ подросткамъ, которымъ они иногда ласковое слово скажутъ, а иногда благословятъ, или яблоко дадутъ. И хотя, соглашаяся съ чувствами благодарности, должно истину сказать, что въ то время такое почтенныхъ и благоумныхъ мужей обращеніе юность выражало; однако-жъ въ настоящее время, когда уже былъ я въ рангѣ царскаго капитана, то, не оскорбляя благодарности, долженъ признаться въ томъ самолюбіи, что я уже и самъ былъ къ тому близокъ, чтобы говорить съ нимъ ласково, и дать ему яблоко, оставя ему только право благословенія.

Отъ деревни Пассека до Бѣлгорода ѣзды на одинъ весенній день, на посредственныхъ лошадяхъ, а не на волахъ. Я приѣхаль туда предъ полуднемъ; остановился на постояломъ дворѣ, походилъ по городу, былъ въ большомъ архіерейскомъ пространномъ и

*) На петербургскомъ языкѣ: судовъ.

зѣло благодѣлннмъ соборѣ; но во всемъ вообще городѣ не нашель ни слѣда, чтобы въ немъ было что похожее на губерн-ской городѣ, изъ какаго онъ обращенъ въ уѣздной, при реформѣ городовъ по учрежденію Екатерины II, и присоединенъ въ Кур-ской губерніи. Узнавъ, что преосвященный дома, возвратился на квартиру, позавтракавъ часу въ первомъ пополудни, одѣлся по формѣ и пошелъ прямо въ домъ архіерейской. Домъ камен-ной, построенъ по старинѣ. Кирпича положено величайшія гро-мады. Выгодъ, для состоянія духовныхъ властей, больше нежели надобно. Внутренность расположена по-монастырски, а наруж-ность — безъ вида и вкуса. Ежели нравственность, скромность, своеобразность и критика имѣютъ свое внитіе *) во все, какъ воздухъ и вода, то на семь мѣстѣ можно сказать: что «древніе наши блюстители вѣры и закона старались не о произведеніи наружныхъ блесковъ, но о внутреннемъ украшеніи: покоевъ чистотою, а души—добродѣтелями». Но архитектура и вкусъ на-стоящаго времени, на другой сторонѣ медали моего мнѣнія, дерз-новенно напишуть: что «безобразное строеніе есть произведеііе достойное невѣжества своихъ времянь».

Знавъ придворныя архіерейскія обыкновенія, и не меньше того помышляя о моемъ красномъ мундирѣ, данномъ на сред-нюю полосу **) Россіи, вошелъ я храбрымъ шагомъ—какъ будто никогда, не бывалъ монастырскимъ питомцемъ — въ залу мо-литвы и благоговѣнія, и у встрѣтившагося со мною служителя спросилъ: можно ли видѣть преосвященнаго? Онъ мнѣ указалъ на боковой, въ той же залѣ, незатворенной покоецъ, на лѣвую сторону со входа, гдѣ увидѣлъ я преосвященнаго, сидящаго и бесѣдующаго съ однимъ духовнымъ монашествующимъ чинов-никомъ. Я подошелъ, а онъ, приподнявшись и подавая мнѣ бла-гословеніе, сказалъ: «намъ, кажется, знакомиться не надобно; однакожь, я васъ сперва не узналъ. Я слышалъ отъ преосвя-щеннаго Кирилла, что вы служите въ Могилевской губерніи. Какія судьбы завели васъ въ Бѣлгородъ?..

*) Внитіе, по силѣ новаго слога, значить: «Вліаніе».

Г. Д.

**) Тогда Россійская имперія раздѣлена была на три полосы: на сѣверную среднюю и южную: на сѣверную положенъ мундиръ синій, на среднюю—крас-ный, на южную — желтовиншевой, по-петербургски, фіолетовой; каждая же во всѣхъ трехъ полосахъ губерніи различалась цвѣтами воротниковъ, лацке-новъ, камзоловъ, пуговиць, подкладокъ, и проч. и проч.

Г. Д.

«Мнѣ поручены отъ нашего генералъ-губернатора исполненіи его надобностей, по Екатеринославской и Харьковской губерніямъ. Близость Харькова отъ Бѣлгорода умножила мое желаніе видѣть особу вашего преосвященства и возобновить лично мое уваженіе».

— «Очень жалѣю, что мы ускорили отобѣдать, однако.....»

«И я обѣдалъ, ваше преосвященство!»

— «Вашъ экипажъ здѣсь?»

«На квартирѣ, ваше преосвященство!»

— «А для чего-жъ вы не прямо ко мнѣ взѣхали?.....»

Онъ пригласилъ меня переѣхать. И когда, по взаимномъ краткомъ разговорѣ, мы поумолкли, то незнакомой духовной сказалъ:

— «А меня Гавріиль Ивановичъ *) и узнать не хочетъ».

Нечаянной голосъ дернулъ меня въ его сторону какъ электризацію; но, сколько я ни узнавалъ, принужденъ былъ сказать: «виноватъ, не знаю батюшка, гдѣ мы знакомы».

— «Скажите лучше, говоритъ онъ, что не я, а монахъ и его борода вамъ незнакомы. Вы теперь видите того, котораго прежде звали: панъ-инспекторъ Иванъ Григорьевичъ Трипольскій**).

— «Ахъ! мнѣ казалось, вы во псковской или петербургской епархіи».

— «Я и былъ и въ той и другой, а теперь здѣсь».

Преосвященный спросилъ: «сколько этому лѣтъ какъ вы разстались?...»

— «Съ 1772 года,» отвѣчалъ я.

— «Восемнадцатой годъ отвѣчалъ патеръ Трипольскій.

Разсуждая, чтобъ не обременить преосвященнаго въ часы отдохновенія, отѣхали мы, съ отцемъ игумномъ Трипольскимъ въ его Николаевской городской монастырь, съ дозволенія преосвященнаго, гдѣ весь остатокъ дня мы пробесѣдовали про прошедшее, про знакомыхъ, гдѣ кто находится, кто куда дѣвался, что съ нимъ и со мною во время нашей разлуки случилось; между тѣмъ, угощалъ онъ меня чаемъ и закусками. А при свѣчахъ возвратился я къ своему знаменитому хозяину. Онъ уже

*) Здѣсь только впервые читатель узнаетъ, что Добрынина звали Гавріиль Ивановичъ.

Ред.

***) Инспекторъ брата сѣвскаго архіерея Кирилла. Зри 1771 г. Г. Д.

ожидалъ меня. Разговоръ нашъ начался почти тѣмъ же, какъ и у Трипольскаго. Говорено о епископѣ, бывшемъ сѣвскомъ, Кириллѣ. Я увѣдомилъ, что онъ прошлаго года проѣхалъ чрезъ Могилевъ въ Москву и проч.; а преосвященный наконецъ удостоилъ мене выслушать нѣкоторую часть и его исторіи, изъ которой видѣлъ я въ немъ смертнаго, удалявшагося многократно, отъ предлагаемыхъ ему графомъ Безбородько, бывшимъ тогда въ величайшей довѣренности и силѣ у императрицы, суетныхъ первосвященническихъ блесковъ въ обѣихъ столицахъ и въ Кіевѣ, и предпочтшаго всему спокойствію въ обитаемомъ имъ уѣздномъ Бѣлгородскомъ угодѣ. Бесѣду кончилъ преосвященный тѣмъ, что онъ, уже много сряду лѣтъ, не ужинаетъ, «а вамъ, сказалъ онъ мнѣ, еще рано переставать.» Послѣ сего предисловія я уже во искушеніи былъ подозрѣвать, что онъ хочетъ меня отбавить такъ же, какъ елецкаго монастыря архимандритъ Героеей; однако-жъ, возвратясь въ мой покой, нашелъ я столикъ, набранной чисто; и тотчасъ подали вкусное кушанье, вино и столовой медъ. Все это мнѣ, послѣ дороги, было непротивно, почему и сонъ мой былъ спокоенъ; а по утру, одѣвшись, хотѣлъ лишь пойти къ преосвященному, какъ вдругъ увидѣлъ, что духовный штатъ, съ пѣвчими въ стихаряхъ, и со знаками, принадлежащими архіерейскому достоинству, вошли въ залу. А вскорѣ изъ внутреннихъ покоевъ вошелъ и самъ преосвященный. На него возложили мантию, и онъ, принявъ пастырской жезлъ, пошелъ въ церковь на служеніе, въ предшествіи поющаго хора пѣвчихъ и въ послѣдованіи знатнѣйшими священнослужителями, за которыми слѣдовалъ и я въ церковь. Это былъ день воскресный.

Послѣ служенія, скоро сѣли за обѣденной столъ. Къ обѣду приглашены были трое свѣтскихъ учителей изъ его семинаріи, вчерашній игумень, и я. Послѣ обѣда откланялся я доброму пастырю, простился съ Трипольскимъ, и простился на безконечные вѣки.

Имѣя обыкновеніе пересматривать въ каждомъ новомъ календарѣ моихъ знакомыхъ, и не нашедъ его въ одномъ году въ Бѣлгородѣ, нашелъ его уже архимандритомъ въ воронежскомъ Акатовѣ монастырѣ и ректоромъ семинаріи. Но, въ 1808 году не нашелъ его уже нигдѣ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ скончался,

по счету моему на 60-мъ году своего вѣва, или—по-академически: своего возраста *).

Возвратясь въ деревню, мы съ Рязановымъ имѣли причину пить за здоровье бѣлогородскаго преосвященнаго, потому что данныя мнѣ отъ него на дорогу двѣ бутылки вина доведены въ цѣлости; а по первому весеннему пути отправился я паки въ Бахмутъ, по силѣ полученнаго на наши прелиминары отъ генераль-губернатора предписанія; гдѣ и заключилъ съ Фурсовымъ контрактъ, получилъ въ задатокъ 5,000 руб. и возвращался въ деревню съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться въ генераль-губернатору, и узнать: кому онъ изволить приказать исполнять заключенной контрактъ, съ положеннаго въ немъ срока. Но не доѣхавъ еще до деревни, встрѣчаю на пути вѣстника съ письмомъ отъ генераль-губернатора, въ которомъ сказано: «Я послалъ г. маіора Чаплица продать Фурсову Маяцкую засѣку за 30,000 руб. или за 35,000 руб. и сверхъ того вырубить изъ нея единожды нѣсколько сажень дровъ и 700 возовъ форосту, для моихъ крестьянъ. Предпочитая столь выгодную продажу контрактванію, прошу васъ съѣздить съ г. Чаплицемъ въ Кременчугъ, для совершенія крѣпости, а контрактъ, ежели онъ вами заключенъ, уничтожить».

Не было ничего легче какъ исполнить то, что мнѣ призываетъ авторъ и вельможа; но съ другой стороны судя, — я имѣлъ причину почувствовать обиду, какъ обыкновенно бываетъ, гдѣ два повѣренныхъ, или два главнокомандующихъ, или двѣ невѣстки въ одной избѣ, или—хоть два вота въ одномъ мѣшкѣ. «Какъ! размышлялъ я: Маяцкая засѣка, которая могла бы три раза быть законтрактована по 25 тыс. руб. и послѣ остаться, съ дровянымъ лѣсомъ и частию строеваго, въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи Пассека; это составило бы до ста тысячъ р., а теперь продается за 35 тысячъ! Развѣ не могъ дожждаться, или спросить меня объ этомъ **) мой генераль-губернаторъ? развѣ онъ не зналъ, что еще Петромъ Великимъ заклеяно въ ней съ тысячу деревъ, о которыхъ знаютъ здѣшніе жители? развѣ нельзя бы продать ее, спрося напередъ моего мнѣнія? Какая

*) Послѣднія слова въ подлинникѣ зачеркнуты.

**) Послѣдняя фраза въ подлинникѣ зачеркнута.

Ред.

Ред.

ошибка! какой ощутительной убытокъ! болѣе какъ двѣ трети проиграно въ этой продажѣ!»

Такъ я думалъ и сокрушался о чужомъ добрѣ; и, забывая собственную обиду, не сомнѣвался, что мой Пассекъ кѣмъ-нибудь обманутъ; вслѣдствіе чего, по приѣздѣ въ деревню, предпринялъ донести ему обо всемъ въ Могилевъ. Управитель Рязановъ, которому я прочиталъ мое донесеніе, подтвердилъ мою мысль и своимъ письмомъ къ Пассеку, удостовѣряя его доказательно, что такая продажа не находка. Но Рязановъ, такъ же какъ и я, не больше зналъ, какъ только, что Пассекъ имѣетъ засѣку, подаренную отъ князя Потемкина-Таврическаго, и болѣе ничего.

Мы отправили съ бумагами, для поспѣшности, нарочнаго, бывшаго при мнѣ могилевской штатной роты солдата; все это здѣлано скорѣе нежели было надобно. По отправленіи, на другой день увидѣлся я съ Чаплицемъ, которой, во ожиданіи меня, отъѣзжалъ въ Харьковъ поглазѣть, и оттуда возвратился. Я не скрылъ отъ него моего мнѣнія о убыточной продажѣ. Не скрылъ, напоследокъ и того, что я послалъ нарочнаго съ донесеніемъ обо всемъ. Политиѣ-полякъ похвалилъ мою ревность; «но—промолвилъ онъ—она тогда была бы полезна, когда бы нашъ Петръ Богдановичъ продавалъ собственность, а то, вѣдь — засѣка казенная».

«Какъ такъ?»

— «А такъ, что онъ ни грамоты, ни именнаго повелѣнія на пожалованіе не имѣетъ, а только одно письмо князя Потемкина; такъ ему надобно стараться, сбыть ее съ рукъ поскорѣе, за что бы то ни было».

«Ежели такъ, то вѣдь и крѣпости не совершатъ!»

— «Кто поспоритъ, когда въ довѣренности сказано: что засѣка продается, подаренная отъ его свѣтлости князя Потемкина? Къ тому же и самъ Пассекъ, не меньше какъ генераль-губернаторъ. Впрочемъ, знаетъ про то купецъ да продавецъ. Наше дѣло исполнить по довѣренности, а казна получить пошлину».

«За собственной лѣсъ? да будетъ ли это прочно для купца и продавца?»

— «Ну! я ужъ этаго не знаю. Можетъ быть и Фурсовъ по-

можетъ полатиться, а можетъ быть и все заплатить, а можетъ быть и никто платить не будетъ!»

Услыша новое обстоятельство и причину продажи, жалѣлъ я, что послалъ нарочнаго съ донесеніемъ къ генераль-губернатору. Однако-жъ, надобно было дожидать отвѣта. Между тѣмъ, винилъ я актора своего уже не за продажу, но за неоткровенность, чрезъ которую онъ потерялъ очень много; съ другой же стороны судя, легче дешевле продать, нежели признаться въ способъ приобретенія предъ человѣкомъ, выбраннымъ для исполненія препорученій, а не для сообщенія ему секретовъ. Всего же благоразумнѣе было бы не употреблять такого человѣка въ дѣло, которому недоговариваютъ, или сомнѣваются сказать все.

Чаплицъ, получа отъ меня задаточныя 5,000 р., отправился въ Кременчугъ, къ Фурсову, по сдѣланному сношенію, для совершенія крѣпости, а изъ Кременчуга въ Могилевъ; а между тѣмъ, мы, съ управителемъ Рязановымъ, узнали, что посланной отъ насъ солдатъ запися, деньги прогонныя растерялъ, и едва пѣшшой кое-какъ дотащился въ Могилевъ; однако-жъ бумаги доставилъ, и я на мое донесеніе получилъ уже въ іюнѣ письмо слѣдующаго содержанія: «Я далъ довѣренность господину Чаплицу на продажу Маяцкой засѣки; да хотя бы я далъ только и слово, то и того отмѣнить бы не могъ». Очень ясно, что мнѣ надобно было убираться поскорѣе домой.

Я приѣхалъ въ Могилевъ и явился въ мызу Пипинъ-бергъ, отстоящую отъ города верстъ на пять, гдѣ тогда находился нашъ губернской дворъ, то-есть Пассекъ съ Салтыковою. Уже утро сближалось къ полудню, а генераль-губернаторъ изъ внутреннихъ покоевъ не выходитъ и меня къ себѣ не требуетъ. Я, шатаясь долго по переднимъ комнатамъ, хотя могъ думать, что обо мнѣ уже знаютъ во внутреннихъ, однако-жъ сказалъ пробѣгавшему неодновратно туда и сюда мальчику, камердинеру Спирьѣ: «Доложи, мой пріятель, обо мнѣ Петру Богдановичу».

— «Я уже давно доложилъ, да самъ не знаю за что выбрали меня какъ собаку».

«Жаль мнѣ, мой пріятель, если я этому причиною».

— «Мы уже къ этому привыкли».

На эту пору входитъ предсѣдатель Маковецкій и, поклонившись со мною мимоходомъ, пошелъ прямо въ двери въ Пас-

секу, а я, чтобъ не растворять двухъ разъ дверей тамъ, гдѣ можно войти за однимъ растворомъ, вошелъ за Маковецкимъ.

Пассекъ, мимо Маковецкаго, возгласилъ ко мнѣ: «Ну што вы съ Рязановымъ судите мнѣ за засѣву золотыя горы, когда уже я ее продалъ; объ этомъ было прежде мнѣ говорить».

«Я съ тѣмъ и возвращался, чтобы донести вашему высокопревосходительству».

— «Ну — да — во сколько бы я лѣтъ могъ по вашимъ проектамъ получить? а мнѣ сколько на свѣтѣ жить?»

«Это еще никому неизвѣстно; однако-жь, мнѣ казалось, что можно еще жить и въ Петрѣ Петровичѣ *).»

Онъ повелъ на меня медленной взглядъ, привздохнулъ, и вдругъ остерегся, заговорилъ съ Маковецкимъ; а я принялъ это сигналомъ отправиться на свою квартиру и явиться въ команду, для отправленія должности страпчаго уголовныхъ дѣлъ въ верхнемъ земскомъ судѣ. Тѣмъ кончилась посылка меня, которая конечно выгоднѣе бы для моего кредитора исполнена **) мною была, если бы мнѣ благовременно открыты были причины къ скорой продажи.

Года чрезъ два отъ времени продажи, услышалъ я отъ сына управителя Рязанова, приѣзжавшаго отъ отца къ Пассеку, что Фурсовъ вырубилъ сколько нужно было по подряду въ казну корабельныхъ лѣсовъ, выбралъ за нихъ вдвое свои деньги, и засѣва осталась по прежнему густа.

По восшествіи же Павла I на престолъ, Маяцкая засѣва, по имянному повелѣнію, возвращена въ казну. Не знаю, однако-жь, подробностей, кому сіе возвращеніе было чувствительнѣе: Пассеку ли? или Фурсову***)? или обоимъ равномѣрно; ибо я тогда уже былъ въ Витебскѣ при должности. А Пассекъ, отставленный отъ службы, находился въ своей смоленской вотчинѣ Яковлевичахъ, хотя не подъ арестомъ, однако-жь выѣздъ ему изъ ней былъ запрещенъ ****).

*) Сынъ его отъ Салтыковой, тогда лѣтъ 14-ти, котораго отецъ любилъ безпримѣрно. Отдавая всему справедливость, не должно умолчать, что онъ былъ налутчій отецъ, налутчій любовникъ и мужъ, доброй и чувствительной другъ.

Г. Д.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «отправлена».

Ред.

***) Князь Потемкинъ скончался еще при жизни императрицы Екатерины II. Онъ счастливо жилъ, и благовременно умеръ.

Г. Д.

****) Павелъ I имѣлъ къ Пассеку неблаговоленіе отъ самыхъ юныхъ своихъ лѣтъ, или лучше сказать, отъ смерти отца своего Петра III и отъ восшествия на престолъ матери своей Екатерины II.

Г. Д.

1790, 1791 и 1792 годы протекли безъ значительныхъ для меня произшествій, кромѣ того, что я иногда, сверхъ настоящей моей должности, отправлялъ по губерніи въ разныхъ уѣздахъ, по предписаніямъ губернатора, губернскаго правленія, палаты уголовной, разныя комиссіи; но сіи комиссіи были ничто какъ дѣла штатскія, требовавшія изслѣдованій, переслѣдованій, дополненій, поправокъ, развязокъ, поспѣшности и проч., слѣдовательно, больше въ обществѣ надобны и необходимы, нежели стоять любопытства. Заботъ съ ними довольно, а блеска ничего. Многія изъ нихъ связаны были съ величайшимъ для меня трудомъ *). Но какая кому о томъ нужда!... Начальство службу безъ постороннихъ помочей или собственныхъ интересовъ **) не всегда награждаетъ, а ближній въ горестяхъ ближняго не всегда принимаетъ участіе; слѣдственно размножать мою исторію напоминаніемъ неприятностей перенесенныхъ уже мною, было бы похоже на то, какъ сочинять особой протоколъ, по которому исполненіе давно уже учинено. Итакъ, оставимъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Въѣсто зачеркнутого: «огорченіями».

**) Послѣднія три слова въ подлинникѣ зачеркнуты.